

А.А.Никишенков

СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
МЕТОДЫ А.Р.РЭДКЛИФФ-БРАУНА
В ИСТОРИИ БРИТАНСКОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун широко известен (наряду с Б.К.Малиновским) как творец современной британской социальной антропологии. То, что принято называть функционализмом или структурно-функциональным подходом в антропологии, — это в значительной степени результат его полувековой теоретической и научно-организационной деятельности. Начало «эры функционализма» антропологическая традиция относит к 1922 г., когда одновременно в свет вышли монографии Рэдклифф-Брауна — «Андаманские островитяне»¹ и Малиновского — «Аргonautы Западной части Тихого океана»². Эти труды содержали основные положения нового подхода к изучению культуры, общества и человека, подхода, который отвергал многие установки представителей классической эволюционистской антропологии XIX — начала XX в. — Э.Тайлора, Л.Г.Моргана, Дж.Фрэзера и др. Положения нового подхода, утверждение которых в антропологии иногда называют «научной революцией», можно свести к следующим постулатам:

— изучение общества должно базироваться не на спекулятивном кабинетном анализе фактов, полученных из вторых рук, а на основе длительного непосредственного наблюдения его жизни самими исследователями — теоретик и наблюдатель должны соединиться в одном лице³;

— в качестве предмета изучения необходимо рассматривать не отдельные явления культуры, а всю данную культуру как функциональное целое⁴;

— научное объяснение социальных явлений не может сводиться к предположительным суждениям об их происхождении, оно состоит в указании

¹ Brown A.R. (*Radcliffe-Brown A.R.*). *Andaman Islanders*. Cambridge, 1922.

² *Malinowski B.* *Argonauts of the Western Pacific. An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea*. L., 1922.

³ См.: *Radcliffe-Brown A.R.* *Andaman Islanders*, p. 234.

⁴ См.: *Ibid.*, p. 400.

той функции, которую явление выполняет в общественной жизни данного народа⁵.

На протяжении трех десятилетий первоначальные декларации 1922 г. были развиты Рэдклифф-Брауном в достаточно разработанную теоретико-методологическую концепцию, которую иногда именуют «британским антропологическим структурализмом», чтобы подчеркнуть ее специфику по сравнению с «биопсихологическим функционализмом» Малиновского. Эта концепция в научном наследии Рэдклифф-Брауна занимает особое место, ей специально посвящена серия трудов, наиболее известными из которых являются «Естественная наука об обществе»⁶, а также статьи, значительная часть которых помещена в сборнике «Метод в социальной антропологии»⁷.

При всем самостоятельном значении теории и методологии Рэдклифф-Брауна подлинный их смысл раскрывается в том, как британский антрополог использовал их при исследовании конкретных примитивных обществ Австралии, Океании, Африки и Америки. Результаты этих исследований были опубликованы в нескольких книгах и большом количестве статей, наиболее интересные из них были им самим собраны в издании, русский перевод которого читатель держит в руках.

Научными трудами вклад Рэдклифф-Брауна в историю антропологии далеко не исчерпывается. По мнению некоторых историков этой науки, не менее, а может быть, более существенное влияние на ее развитие оказала его организационная и педагогическая деятельность. Вряд ли кто из его предшественников и современников сделал больше для того, чтобы превратить социальную антропологию в особую университетскую дисциплину с системой учебных предметов, воплощенных в программы, лекционные курсы и семинары. Причем модель университетского образования, созданная Рэдклифф-Брауном, стремительно распространялась им самим, без преувеличения, по всей планете. Он стал создателем кафедр социальной антропологии в Южной Африке (Кейптаун), Австралии (Сидней), США (Чикаго), Англии (Оксфорд). Стиль и содержание его преподавания антропологии укоренялись и во многих других университетах и учебных заведениях — в Йоганнесбурге (Южная Африка), Александрии (Египет), Пекине (Китай), Сан-Паулу (Бразилия) и др., где он работал, всю жизнь переезжая из страны в страну.

Благодаря такой беспрецедентной активности, которую иначе как харизматической не назовешь, в 20–50-х годах теоретические идеи, стиль научной и педагогической деятельности Рэдклифф-Брауна были восприняты большим количеством молодых антропологов во многих странах. Это стало одним из определяющих факторов формирования определенной научной традиции в антропологии, которая дошла до наших дней.

⁵ См.: Ibid., p. 234.

⁶ Radcliffe-Brown A.R. A Natural Science of Society. Glencoe, 1957.

⁷ Radcliffe-Brown A.R. Method in Social Anthropology. Bombay, 1973.

Разумеется, за полвека, прошедшие после смерти Рэдклифф-Брауна, многое изменилось в британской антропологии. Сейчас не найти, пожалуй, ни одного ученого, который полностью разделял бы теоретические идеи Рэдклифф-Брауна или его интерпретацию институтов примитивного общества. В наши дни, по выражению одного английского автора, «опровержение функционализма стало почти ритуалом посвящения в социологическую зрелость»⁸, а другой автор пишет, что «социальные антропологи современности часто обращаются к Рэдклифф-Брауну, но чаще всего делают это, чтобы указать, насколько он был неправ»⁹. Тем не менее категории и понятия его концепции стали неотъемлемой частью научного языка антропологов и социологов, сформулированные им исследовательские проблемы до сих пор входят в число тех научных задач, которые разрабатываются учеными, а его остроумные решения узловых вопросов «микросоциологии примитивных обществ» — неотъемлемая часть научного дискурса в этой сфере.

Работы Рэдклифф-Брауна стали классическими текстами, на которых учатся все новые и новые поколения студентов антропологов, социологов, политологов, философов. Именно поэтому они регулярно переиздаются во многих странах мира.

Начало научной деятельности

Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун (до 1926 г. — А.Р.Браун) родился в 1881 г. в Бирмингеме в семье, принадлежавшей к среднему классу. Детство его не было счастливым. В возрасте пяти лет он лишился отца. Мать, происходившая из рода Рэдклиффов, была вынуждена пойти в компаньонки к богатой даме. Новые обязанности фактически отняли у нее маленького Альфреда.

Казалось, будущее Альфреда было предопределено: чопорная викторианская Англия отвела сыну компаньонки, лишенному какого бы то ни было состояния, роль мелкого служащего, навсегда закрыв двери университета. Но помог случай. Старший брат Альфреда Герберт, служивший солдатом в королевских войсках, за тяжелые ранения во время англо-бурской войны получил пенсию и смог оказать юноше финансовую поддержку для продолжения образования в престижной бирмингемской Школе короля Эдуарда. Прослушав в течение года курс «начальных медицинских наук», Рэдклифф-Браун победил в конкурсе на право обучаться на отделении психологии в Тринити-колледж Кембриджского университета. В Кембридже, куда Альфред поступил в 1901 г., судьба свела его с Уильямом Риверсом, челове-

⁸ *Martins H.* Time and the Theory in Sociology. — Approaches to Sociology. Ed. by J.Rex. London—Boston, 1974, p. 273.

⁹ *Beatie J.* A.R.Radcliffe-Brown (1881—1955). — The Founding Fathers of Social Science. Ed. by T.Raison. Harmondsworth, 1969, p. 178.

ком, сыгравшим в его жизни важную роль. Именно Риверс посоветовал юноше не переходить на отделение естественных наук, а остаться на отделении психологии, где он сам преподавал социальную антропологию. С 1904 по 1906 г. Рэдклифф-Браун был единственным учеником Риверса по этому предмету. В это время сформировались научные интересы молодого исследователя — он стал заниматься сравнительным изучением систем классификационного родства примитивных народов, и эта тема увлекла его на всю жизнь. В годы пребывания в Кембридже Рэдклифф-Браун, занимаясь проблемами социальной организации примитивного общества, проявлял пристальный интерес к истории социологической мысли Западной Европы от эпохи Просвещения до современных ему мыслителей. Глубокий след в его сознании оставили лекции А.Н.Уайтхеда по философии науки. Альфред серьезно изучал труды О.Конта, Г.Спенсера, однако совершенно особое влияние на него оказали социологические идеи Э.Дюркгейма.

В 1906 г. Рэдклифф-Браун закончил университет. В это время в британской социальной антропологии наметились новые тенденции, носителями которых стали несколько ученых, условно объединяемых в так называемую кембриджскую школу (среди них был и учитель Рэдклифф-Брауна Уильям Риверс). В деятельности представителей этой школы на рубеже XIX и XX вв. наметилось критическое отношение к теоретическим воззрениям классиков викторианской эпохи. Ярким примером тому служат теоретические метафоры Риверса. Этот ученый в течение десяти лет трижды менял методологическую ориентацию. От принципов классического эволюционизма в работе «Родство и социальная организация»¹⁰, написанной в 1913 г., он отошел к крайнему диффузионизму в «Истории меланезийского общества»¹¹, вышедшей в свет в 1914 г., а в статье «Психологический фактор»¹², помещенной в сборнике «Очерки о депопуляции Меланезии» 1922 г., меланезийскую культуру трактовал на основе психологизма.

Атмосфера поиска адекватной антропологической теории была весьма характерна для Кембриджского университета в начале XX в. Образование, которое здесь получил Рэдклифф-Браун, ориентировало на этот поиск. Думается, что одной из главных причин было усиление натуралистической тенденции в науке. Тенденция эта, в высшей степени свойственная позитивистскому обществоведению, в рамках которого зародилась антропология как научная дисциплина, выражалась в подчеркнутом «внимании к естествознанию, готовности считаться с естествознанием и стремлении представить познавательный процесс в естествознании как универсальный и обязательный не только для наук о природе, но и для наук об обществе»¹³.

¹⁰ Rivers W.H.R. Kinship and Social Organisation. L., 1968.

¹¹ Idem. The History of Melanesian Society. Vol. I-II. Cambridge, 1914.

¹² Idem. The Psychological Factor. — Essays on the Depopulation of Melanesia. Cambridge, 1922.

¹³ Позитивизм и наука. М., 1975, с. 4.

Натуралистических воззрений придерживались и представители классической эволюционистской антропологии. Само возникновение этого направления было связано с естественнонаучной теорией эволюции, разработанной Ч.Дарвином. Однако эта теория воспринималась классиками британской антропологии чрезвычайно упрощенно и умозрительно. Механистически перенесены основные ее принципы на общество, они превратили их в некий символ веры, в априорную догму, которая требовала лишь фактической иллюстрации из обширного фонда исторических и этнографических свидетельств. Такой подход отчасти можно объяснить тем, что в большинстве своем родоначальники антропологии были далеки от естествознания (Г.Мейн, Дж. Мак Леннан, И.-Я.Бахофен, Л.Г.Морган — юристы, Э.Тайлор — чиновник; Дж.Лёббок — банкир; Г.Спенсер — философ; У.Робертсон Смит — богослов; Дж.Фрэнсер — филолог-античник).

В конце XIX в. в эту группу гуманитариев влились люди, имеющие естественнонаучное образование. Большинство из них составили кембриджскую школу (зоолог А.Хэддон, патологоанатом Ч.Зелигман, физиолог и психиатр У.Риверс и др.). Не случайно Рэдклифф-Браун, получивший подготовку по химии и анатомии в Миддлсекском колледже, а в Школе короля Эдуарда в Бирмингеме — по медицине и в Кембриджском университете по психологии¹⁴, с самого начала своей научной деятельности тяготел к этой школе.

Приток ученых-естествовников по-новому поставил вопрос об естественнонаучном характере социальной антропологии, который виделся им не столько в преобразовании уже существующей биологической теории эволюции в социологическую теорию, сколько в разработке принципов и процедур экспериментального изучения общества. Это была установка на реализацию главного требования, предъявляемого основоположником позитивизма О.Контom к науке, — основывать познание на наблюдении. «Все здравомыслящие люди повторяют со времени Бэкона, — утверждал он, — что только те знания истинны, которые опираются на наблюдения...»¹⁵.

Применительно к социальной антропологии это позитивистское положение кембриджцы воплотили в требование проводить полевые исследования среди примитивных народов. С 1898 по 1899 г. А.Хэддон, У.Риверс, Ч.Зелигман, У. Мак Дугалл и другие были участниками Кембриджской экспедиции на острова Торресова пролива. Эта экспедиция, являясь первой попыткой сбора специалистами данных по всем областям жизни конкретного примитивного общества, открыла новую эру в британской социальной антропологии. Не секрет, что среди классиков эволюционизма существовало даже предубеждение против непосредственного контакта с живыми носителями примитивной культуры. Р.Бенедикт рассказывает, как У.Джеймс однажды спросил у Дж.Фрэнсера, не знает ли тот лично кого-нибудь из представителей примитивного общества, о котором так много пишет. И Фрэнсер

¹⁴ См.: *Stocking G.W.* After Tylor. *British Social Anthropology 1888–1951*. Madison, 1995, p. 304.

¹⁵ *Конт О.* Курс позитивной философии. Т. I, отд. 2. СПб., 1899, с. 6.

с искренним недоумением воскликнул: «Но ведь это небесам не угодно!»¹⁶. Э.Тайлор даже подвел под это предубеждение теоретическую базу, утверждая, что степень единообразия в элементах культуры разных народов настолько велика, что «этнограф, не выходя из кабинета, может иногда взять на себя решение не только вопроса о проницательности и добросовестности известного наблюдателя, но и также и того, насколько его сообщение сообразуется с общими началами культуры»¹⁷.

Кембриджская экспедиция положила начало целой серии полевых исследований. Так, Риверс в 1901–1902 гг. работал среди тогда в Индии¹⁸, после чего в 1908 г. совершил поездку по Соломоновым островам¹⁹; Зелигман в 1904 г. работал среди меланезийцев Британской Новой Гвинеи²⁰, а в 20-е годы вместе со своей женой проводил полевые исследования среди различных народов Судана.

Интенсивная полевая деятельность кембриджцев с неизбежностью выдвигала на передний план проблему метода, намеченную в общих чертах еще О.Конттом. «Если, с одной стороны, — писал по этому поводу Конт, — всякая положительная теория должна непременно опираться на наблюдения, то, с другой стороны, для того чтобы приступить к наблюдениям, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории. Если, созерцая явления, мы не связывали их с каким-нибудь принципом, то для нас было бы невозможно не только соединить эти различные наблюдения и, следовательно, извлечь из них какую-нибудь пользу, но и даже запомнить их, чаще же всего явления остались бы незамеченными»²¹.

Среди кембриджцев наибольшее внимание разработке полевых методов исследования уделял Риверс. Он первым в английской антропологии создал эмпирические методики изучения систем родства — «генеалогический» и «биографический» методы. Перечисляя аналитические возможности своего генеалогического метода, Риверс подчеркивал: «Вплоть до сегодняшнего дня этнология остается любительской наукой. Факты, на которых основывается эта наука, собираются людьми, обычно не имеющими специальной научной подготовки, эти факты вводятся в науку без какой-либо гарантии их точности или полноты... Генеалогический и подобные ему методы, которые делают такую гарантию возможной, будут способствовать тому, чтобы этнология встала в один ряд с другими науками»²². (Риверс имел в виду науки естественные.)

Методы Риверса не представляли собой целостной методологической системы; по сути, это были лишь эмпирические методики для сбора данных

¹⁶ Цит. по: *Evans-Pritchard E.E. Social Anthropology. L., 1956, p. 72.*

¹⁷ *Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939, с. 6.*

¹⁸ См.: *Rivers W.H.R. The Todas. L., 1906.*

¹⁹ См.: *Idem. The History of Melanesian Society.*

²⁰ См.: *Seligman C. The Melanesians of British New Guinea. Cambridge, 1910.*

²¹ *Конт О. Курс позитивной философии, с. 6.*

²² *Rivers W.H.R. Kinship and Social Organisation, p. 109.*

в поле, но значение их для последующего развития британской антропологии трудно переоценить. И дело даже не в том, что Рэдклифф-Браун воспринял их и включил в качестве составных частей в свою полевую методiku. Эти методы обусловили появление специального вида деятельности британских антропологов, деятельности, направленной на создание методологической базы своей науки. В этом вопросе методы классиков эволюционизма вряд ли могли служить отправной точкой. Так, например, Тайлор, сформулировавший основные принципы «сравнительно-исторического метода» и «метода пережитков», фактически предложил в качестве исследовательского приема не систему познавательных процедур и логических средств анализа (метод в строгом смысле слова), а априорные теоретические тезисы (гипотезы). Согласно «методу пережитков», явления культуры (обычаи, верования, предметы и т.п.) имеют свойство с течением времени терять свое былое значение и сохраняться по инерции в виде анахронизмов, никак не связанных с окружающей действительностью²³. Не вдаваясь в разбор истинности или ложности этого утверждения, необходимо отметить, что, рассмотренное как средство познания, оно является лишь указанием на некую никак не определенную Тайлором возможность обнаружить в современном явлении отзвук каких-то далеких времен. Методом в строгом смысле слова это назвать нельзя, не говоря уже о том, что любое социальное явление, с одной стороны, хранит в себе отпечаток своей истории, а с другой — любое, даже самое архаичное, явление, существуя, всегда имеет какое-то значение в общественной жизни.

Кембриджская школа, подчеркнув наиболее существенные черты идейно-теоретического кризиса, который переживала в начале XX в. доктрина примитивного умозрительного эволюционизма, так и не смогла противопоставить ей целостную теоретико-методологическую концепцию, но она подготовила почву для разрушительной деятельности следующего поколения теоретиков — деятельности, направленной против эволюционизма. Функционализм стал в Англии могильщиком эволюционизма, причем могильщиком настолько последовательным, что предавал захоронению не только методологические слабости классиков антропологии, но и безусловные их достижения.

Ситуация в британской социальной антропологии начала века и весь ход обучения Рэдклифф-Брауна в университете подводили его к мысли о необходимости личного проведения полевых работ. Свою диссертацию он мыслил подготовить исключительно на базе собранного им в экспедиции материала. Благодаря стараниям Риверса в 1906 г. Рэдклифф-Браун отправился на Андаманские острова (архипелаг, расположенный к юго-востоку от полуострова Индостан). Выбор андаманцев в качестве объекта исследования был не случаен. Воспитанный в духе эволюционистской антропологии, Рэдклифф-Браун ставил перед собой задачу изучения происхождения социальных институтов, в частности религии и систем родства. Андаманцы

²³ *Тэйлор Э.* Первобытная культура, с. 10.

же, как один из самых примитивных среди известных науке народов, представлялись антропологу тем социальным «нулем» на шкале эволюции, с помощью которого можно было обнаружить самые начальные формы этих институтов.

На Андаманских островах Рэдклифф-Браун пробыл до 1908 г. Здесь он собрал богатый материал по основным разделам этнографии островитян и на его основе написал труд, благодаря которому он получил ученую степень и был принят в Тринити-колледж Кембриджского университета. В этом колледже, а также в Лондонской школе экономических и политических наук (ЛШЭПН) — структурном подразделении Лондонского университета — Рэдклифф-Браун в 1909–1910 и в 1912–1914 гг. читал лекции по антропологии примитивных обществ. В это время он еще не выработал самостоятельной теоретической позиции. Все положения его лекций, судя по воспоминаниям современников²⁴, представляли собой как бы фактическую иллюстрацию идей социологизма Дюркгейма и в особенности его учения об обществе как реальности *sui generis*, полностью подчиняющей себе индивидов.

В 1910 г. Рэдклифф-Браун, сделав перерыв в своей преподавательской деятельности, отправился в экспедицию к аборигенам Австралии. Поездка эта была осуществлением давно намеченного плана, следующим этапом изучения происхождения таких явлений, как религия и системы родства. Австралийские аборигены, несмотря на низкий уровень социально-экономического развития, представлялись исследователю более продвинутыми по шкале эволюции по сравнению с андаманцами.

Отказ университета финансировать экспедицию, служебные обязанности, молодая жена — ничто не смогло помешать реализации плана. Рэдклифф-Браун взял отпуск за свой счет, а деньги на поездку получил, увлекши своими идеями одного богатого австралийского овцевода и некую миссис Бейтс, любительницу этнографии. Вынужденный взять миссис Бейтс с собой (условие, на котором она участвовала в финансировании экспедиции), он без всякого сожаления покинул ее в австралийской Западной Пустыне, как только ее присутствие показалось ему помехой в исследованиях. Эти факты красноречиво свидетельствуют о некоторых особенностях характера Рэдклифф-Брауна — чрезвычайной целеустремленности, фанатической одержимости своими идеями, самоуверенности и эксцентричности.

В экспедиции 1910–1912 гг. Рэдклифф-Браун изучал социальную организацию племен штата Западная Австралия, причем значительную часть времени он опрашивал аборигенов, помещенных в лепрозорий на о-ве Берниер.

Снова в Австралию Рэдклифф-Браун приехал в 1914 г. для участия в работе антропологической секции Британской ассоциации содействия развитию науки, а вернулся на родину лишь спустя четверть века. Вплоть

²⁴ Kuper A. Anthropologists and Anthropology. The British School 1922–1972. Harmondsworth, 1978, p. 52.

до 1920 г. он не занимал официальных постов в научных учреждениях. До 1916 г. он работал школьным учителем в Австралии, с 1916 по 1919 г. был директором департамента народного образования в Королевстве Тонга (британский протекторат в Полинезии), в 1919 г. заболел испанкой и по совету врачей переехал к своему брату Герберту в Йоганнесбург (Южная Африка). Здесь он зарабатывал на жизнь преподаванием английского языка во вновь открытом университете и занимал незначительную должность в местном музее.

Трудно сказать однозначно, почему Рэдклифф-Браун оставил науку в этот период. Быть может, возвращению в Англию в 1914 г. помешала первая мировая война. Нельзя не принять во внимание и эксцентричность натуры Рэдклифф-Брауна, его склонность к неожиданным поступкам. Но главным в этом решении было, вероятно, его негативное отношение к той обстановке, которая сложилась в научных кругах британских социальных антропологов. Все большее влияние на них оказывали концепции диффузионистов — Г. Элиота Смита и У. Дж. Перри, проповедовавших теорию панегиптизма, согласно которой все человеческие культуры рассматривались как результат заимствования различных культурных достижений из первичного центра в долине Нила²⁵. Решительно повернул от эволюционной теории к диффузионизму и Уильям Риверс. Диффузионистская доктрина в Англии приобрела формы, доводящиеся порой до абсурда, поэтому Рэдклифф-Браун с его строго социологическими в духе идей Дюркгейма убеждениями оказался в изоляции и не смог найти общий язык с коллегами.

Становление структурно-функциональной методологии

Коренной перелом в научной биографии Рэдклифф-Брауна произошел в 1920 г. В это время А.Хэддон, глава кембриджской школы, близкий друг Риверса, ставший весьма влиятельной фигурой в британских академических кругах, был приглашен в Южную Африку для организации антропологических исследований. Как полагают некоторые историки английской антропологии²⁶, именно Хэддон содействовал тому, что руководство Кейптаунского университета обратилось к Рэдклифф-Брауну с предложением организовать и возглавить кафедру социальной антропологии, получившую название «Школа африканских исследований».

Новый этап в жизни ученого начался, когда ему было 40 лет. Рэдклифф-Браун вступил в пору научной зрелости. Его первоначальные разрозненные идеи стали формироваться в самостоятельную целостную систему представлений о задачах социальной антропологии, ее предмете и методе, о поло-

²⁵ См.: Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1973, с. 163–166.

²⁶ См.: Kuper A. Anthropologists and Anthropology, p. 62.

жении этой дисциплины среди других наук. В 1922 г. антрополог издал свой труд об анадманцах²⁷, дополнив первоначальный (1908 г.) текст новыми главами, в которых интерпретировал обычаи островитян в духе концепции «коллективных представлений» Дюркгейма. Современники восприняли эту книгу как обычный описательный труд, и лишь немногие тогда смогли оценить значение, которое имело для развития британской социальной антропологии применение социологического метода Дюркгейма в трактовке полевого этнографического материала. Пройдет еще несколько лет, прежде чем 1922 год назовут началом новой социальной антропологии.

Заведуя кафедрой в Кейптауне, Рэдклифф-Браун не только читал лекции, но и разрабатывал общие положения новой методологической ориентации. Его статья «Методы этнологии и социальной антропологии»²⁸ стала своеобразной заявкой на право гражданства в науке нового подхода. Резкая грань, проводимая в этой статье между умозрительными, гипотетическими методами этнологии и индуктивными, основанными на непосредственном наблюдении методами социальной антропологии, сопровождается критикой «эволюционистских и диффузионистских спекуляций». Этой же теме посвящена серия последующих статей²⁹.

Несмотря на единство воззрений эволюционизма и функционализма (имеющее позитивистскую основу) на общие задачи науки и природу ее объекта, эти направления выступали как теоретические антагонисты. Но что самое поразительное — идейные истоки антиэволюционистских по своей природе теоретических положений берут начало все в той же позитивистской социологической традиции. Этот парадокс объясняется чрезвычайной эклектичностью позитивизма, допускающей существование в рамках этого философского течения диаметрально противоположных воззрений.

Фундаментальным сдвигом в теоретико-методологической сфере был отход от диахронии к синхронии в изучении общества. Рэдклифф-Браун отказался от рассмотрения социальных явлений только во временном их развитии, но, считая культуру каждого народа системой институтов (норм, обычаев, верований), призванных выполнить «необходимые общественные функции», весь логический арсенал своих методологических концепций направил на изучение процессов функционирования. Категоричность подобной переориентации не имела прецедентов в обществоведении той эпохи, однако методологически сама проблема двух типов анализа (историко-генетического и синхронно-функционального) уже разрабатывалась. Непосредственное влияние на Рэдклифф-Брауна оказал Дюркгейм, который подвел итог разработке проблемы в позитивистской социологии. Еще Конт, на ко-

²⁷ Brown A.R. (*Radcliff-Brown* A.R.). *Andaman Islanders*. Cambridge, 1922.

²⁸ *Radcliffe-Brown* A.R. *The Methods of Ethnology and Social Anthropology*. — *Method in Social Anthropology*. Bombay, 1973.

²⁹ См.: *Idem*. *The Present Position of Anthropological Studies*. — *Method in Social Anthropology*; *Idem*. *Meaning and Scope in Social Anthropology*. — *Method in Social Anthropology*, и др.

того не раз ссылался в этой связи Рэдклифф-Браун, указывал на необходимость изучать два основных типа социальных законов: законы социальной статистики, т.е. условия существования общества и его институтов, и законы социальной динамики — условия и ход исторических изменений общества³⁰. Тезис Конта был развит Дюркгеймом в его «Метод социологии». «Когда собираются объяснить социальное явление, — писал он, — должны исследовать отдельно производящую его причину и выполняемую им функцию»³¹. Это положение Дюркгейма нельзя не признать справедливым; по мнению Е.В.Осиповой, оно явилось крупным вкладом «в дело методологического осознания возможности разных подходов к анализу общества»³².

Восприняв данное методологическое положение, Рэдклифф-Браун, однако, понял его слишком прямолинейно. Дюркгейм, подчеркивая необходимость рассматривать диахронные причинно-следственные связи и связи синхронно-функциональные отдельно, никогда не противопоставлял их и всегда утверждал, что изучение первых должно предшествовать вторым³³. Британский же антрополог провел между этими видами анализа резкую грань, абсолютизируя значение синхронно-функционального анализа, считая его единственно научным методом.

Рэдклифф-Браун смотрел на теоретическое развитие социологической мысли прошлого, производя своеобразную селекцию идей, которые, как ему казалось, готовили почву для возникновения и торжества функционализма.

По Рэдклифф-Брауну, «три базовые категории новой научной ориентации — „процесс“, „структура“ и „функция“ — идут еще из работ Монтескье, Конта, Спенсера, Дюркгейма и, таким образом, принадлежат двухвековой научной традиции»³⁴ (здесь и далее перевод мой. — А.Н.). Так, например, Монтескье, по мнению Рэдклифф-Брауна, «заложил основы сравнительной социологии»³⁵ и создал «теорию всеобщей социальной системы, на основании которой все черты социальной жизни объединяются в связанное целое»³⁶. Антрополог был склонен воспринимать многие выводы труда Монтескье «О духе законов» как результат применения структурно-функционального анализа.

Создавая свои теоретико-методологические концепции, Рэдклифф-Браун обращался и к Г.Спенсеру, причем воспринимал идеи британского позитивиста, так сказать, в дюркгеймовской обработке, сосредоточивая внимание прежде всего на представлениях о строении общества как организма. Существует не лишнее оснований мнение, что и Рэдклифф-Браун выдвинул определенное количество теорий о функционировании некоторых обы-

³⁰ Idem. Structure and Function in Primitive Society. L., 1959, p. 7; Idem. Social Anthropology. — Method in Social Anthropology, p. 124.

³¹ Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев—Харьков, 1899, с. 142.

³² Осипова Е.В. Социология Эмиля Дюркгейма. М., 1977, с. 97.

³³ Дюркгейм Э. Метод социологии, с. 142.

³⁴ Radcliffe-Brown A.R. Structure and Function in Primitive Society, p. 14.

³⁵ Ibid., p. 5.

³⁶ Ibid., p. 6.

чаев и институтов, но наиболее общие понятия этих теорий были разработаны и введены в научный оборот Г.Спенсером еще до того, как основоположник функционализма родился³⁷.

Все попытки изучения конкретных явлений путем исследования их происхождения и эволюции на основе изолированных фактов, поступивших из вторых рук, Рэдклифф-Браун считал псевдонаучными. Он даже разработал принципы разделения проблематики на «научную» и «ненаучную». Разделение это было основано на положениях, высказанных Д.Стюартом еще в начале XIX в. «Небольшое количество изолированных фактов, — писал Стюарт, — очевидно, может быть собрано из случайных наблюдений путешественников, но ничего, что приблизило бы нас к правильному и связному познанию человеческого совершенствования (имеется в виду эволюция культуры. — А.Н.), таким путем не получишь. В своем стремлении к такому познанию мы вынуждены дополнять факты предположениями... В подобных исследованиях достоверные факты, которые доставляют нам путешественники, редко могут служить путеводными вехами для наших спекуляций; поэтому иногда наши заключения *a priori* могут подкреплять достоверность фактов, которые при строгом рассмотрении кажутся сомнительными или недостоверными»³⁸. Такая процедура, весьма типичная для классиков эволюционизма, как справедливо отмечал Рэдклифф-Браун, была названа Д.Стюартом «теоретической, или предположительной, историей»³⁹. Исследования подобного рода Рэдклифф-Браун относил к философской, спекулятивной традиции в антропологии, противопоставляя ей научную (аналогичную естественным наукам) традицию, которая развивалась в этой дисциплине параллельно и вела, по его мнению, к функционализму. Критерием научности тех или иных проблем, исследуемых его предшественниками, служила не столько синхронная их направленность, сколько применение индуктивного метода в их решении.

Критикуя эволюционизм, Рэдклифф-Браун никогда не отрицал самого процесса эволюции⁴⁰; он лишь скептически относился к возможности получить достоверный и системно связанный фактический материал, позволяющий делать обоснованные выводы об эволюции общества и культуры на протяжении истории человечества, особенно на самых ранних ее этапах. Надо отдать ему должное — его недоверие было основано на верном утверждении, что все существовавшие в его время народы, даже самые примитивные из них, прошли одинаковый в хронологическом смысле исторический путь. Из этого утверждения делался вывод, что «дикарей» и «варваров» современности нельзя рассматривать как прямых предков «цивилизированных» народов, как это делали классики эволюционизма.

³⁷ См.: *Andreski St. Introductory Essay: Sociology, Biology, and Philosophy in Herbert Spenser.* — Herbert Spenser: Structure, Function, and Evolution. L., 1972, p. 24.

³⁸ Цит. по: *Radcliffe-Brown A.R Method in Social Anthropology*, p. 123.

³⁹ *Ibid.*

⁴⁰ *Ibid.*, p. 152.

Категории и понятия концепции Рэдклифф-Брауна, несомненно отражая априорные его убеждения о сущности общества и культуры, в то же время рассматривались им как гипотетические модели, предназначенные служить средствами анализа фактического материала конкретных обществ.

«В любой науке, — отмечал Рэдклифф-Браун, — мы используем определенное количество абстрактных принципов для того, чтобы наше мышление ими руководствовалось, и для того, чтобы формулировать гипотезы»⁴¹. Все категории своей концепции он был склонен трактовать как гипотезы. Так, «идея функционального единства социальной системы является, конечно, гипотезой, но такой, которая, с точки зрения функционалиста, только тогда чего-либо стоит, когда поддается систематической проверке фактом»⁴². Понятие «функция», по мнению Рэдклифф-Брауна, тоже «рабочая гипотеза, при помощи которой формируется определенное количество проблем для исследования»⁴³. Само понятие «теория» в трактовке Рэдклифф-Брауна наполнено методологическим содержанием, что видно из его определения научной теории: «Теория состоит из набора аналитических понятий»⁴⁴.

Несомненной заслугой Рэдклифф-Брауна является критика элементаризма, которому он противопоставил требование рассматривать явления не сами по себе, а в контексте социальной системы. При таком подходе «предмет представляется не только обладающим многими свойствами, но и внутренне многокачественным, поскольку он воплощает в себе качества различных и разнородных систем действительного мира. Изменение многих свойств предмета оказывается зависимым не только от него самого, но и от тех материальных систем, элементом которых он является»⁴⁵.

Структурно-функциональный подход открыл для британской социальной антропологии целый пласт принципиально новых качеств социальной реальности — так называемых функциональных и системных качеств. В основе функциональных качеств лежит «принцип специализации, или назначения»⁴⁶, когда интерес представляет не столько внутренняя природа явления, сколько та роль, которую это явление играет в жизнедеятельности социального организма.

Характерным для методологии Рэдклифф-Брауна был принцип синхронности в изучении общества, нацеливавший на исследование вневременных, синхронно-функциональных процессов. К историческим же исследованиям функционалисты относились скептически и в своей конкретно-научной деятельности не ставили проблем исторического плана.

⁴¹ Radcliffe-Brown A.R. A Natural Science of Society, p. 129.

⁴² Idem. On the Concept of Function in Social Science. — Structure and Function in Primitive Society, p. 181.

⁴³ Ibid., p. 184.

⁴⁴ Idem. Structure and Function in Primitive Society, p. 1.

⁴⁵ Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К.Маркса. М., 1976, с. 56.

⁴⁶ Там же, с. 72.

Возникает вопрос: насколько правомерно раздельное изучение процессов функционирования и развития? Среди специалистов по методологии научного познания в последнее время утвердилось мнение, что «без методологически (но, конечно, не онтологически) обоснованного разведения синхронии и диахронии вряд ли возможно построение содержательных и конструктивных предметов, посвященных специальному изучению процессов функционирования»⁴⁷. Структурно-функциональный подход как один из вариантов системного подхода, как «учение об объектах-системах, о взаимоотношениях целого и части, о структурах и иерархии систем специально не сфокусирован на проблемах развития, он „специалист“ по другим вопросам, он хорошо приспособлен к изучению объектов и форм, качественных структур, интегральных механизмов и постоянных функциональных зависимостей»⁴⁸.

Особый интерес для нас представляют принципы структурно-функционального подхода, которые Р.Мертон подверг довольно суровой критике, — «функционального единства», «универсальной функциональности» и «функциональной необходимости»⁴⁹. Надо сразу сказать, что негативная критика Мертоном перечисленных принципов требует уточнений. Эти принципы в методологии структурно-функционального подхода выступают как гипотетические допущения, но не как безусловные постулаты. Если же утверждения о том, что изучаемая культура представляет собой абсолютное функциональное единство, а все без исключения элементы функционально необходимы, высказываются как выводы из анализа, то это всегда необоснованная онтологизация гипотез. Рэдклифф-Браун, допуская подчас эту логическую погрешность, все же понимал сложность рассматриваемых проблем. Об этом свидетельствуют его попытки вскрыть противоречивую природу функционального единства общества. В целом Рэдклифф-Браун признавал, что в любой социальной системе имманентно присутствуют находящиеся в неразрывной связи с интегративными силами тенденции, направленные на ее разрушение. Реализация этих противоборствующих тенденций, подчиненная сформулированному им «закону борьбы противоречий», в итоге приводит к постоянно восстанавливаемому функциональному единству общества и в каком-то смысле является условием этого единства. Что касается тезиса о функциональной необходимости социальных явлений, то Рэдклифф-Браун признавал, что по отношению к социальной структуре все явления либо функционально необходимы («эвномия»), либо дисфункциональны («дисномия»), но конфликт между ними всегда разрешается в пользу «нормального» функционирования социальной структуры, хотя и не без изменения ее типа⁵⁰.

⁴⁷ Юдин Ю.Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978, с. 144.

⁴⁸ Кузьмин В.П. Системный подход в современном научном познании. — Вопросы философии. 1968, № 1, с. 51.

⁴⁹ Merton R.K. On Theoretical Sociology. N.Y., 1967, p. 79—90.

⁵⁰ Radcliffe-Brown A.R. On the Concept of Function in Social Science, p. 182—183.

Сущность структурного анализа конкретного общества, по Рэдклифф-Брауну, заключается в выявлении в нем «структурных принципов». Структурные принципы данного общества — это инвариантные особенности поведения людей в различных видах общественных отношений. Рэдклифф-Браун рассматривал социальную структуру как совокупность поведенческих отношений между ее единицами — индивидами. Основная аналитическая модель структурного анализа — пара индивидов, взаимоотношения между которыми определяются тем или иным обычаем.

Метод структурного анализа, однако, не раскрывает способа вычленения структурного принципа, не дает никаких теоретических критериев отбора того или иного типа поведения. «Я уверен, — писал Рэдклифф-Браун, — что единственный способ их (структурных принципов. — А.Н.) вычленения — это эмпирический, но ни в коем случае не умозрительный процесс»⁵¹.

Научно-теоретическое значение выведенных структурных принципов, по мнению Рэдклифф-Брауна, тем явственнее, чем в большем количестве конкретных обществ они действуют. «Мы абстрагируем из социальной системы определенный структурный принцип, который мы находим в данном обществе и в другом, и так до тех пор, пока в итоге, если мы отобрали наш материал правильно, если мы произвели наше абстрагирование корректно, мы не сможем сформулировать то, что будет универсальным структурным принципом всех человеческих обществ»⁵².

Описанная процедура составляет сущность сравнительного анализа, при помощи которого, как утверждал Рэдклифф-Браун, «мы следуем от особенного к общему, от общего к еще более общему, имея цель достичь на этом пути неких универсалий, характеристик, которые обнаруживаются в различных формах во всех человеческих обществах»⁵³.

Сравнительный анализ Рэдклифф-Браун считал главным, определяющим сущность социальной антропологии. Недаром дисциплину эту он называл «наукой сравнительной социологии»⁵⁴, признавая ее принципиальное единство с французской социологической школой Э.Дюркгейма⁵⁵. Функциональный анализ Рэдклифф-Брауна был полностью подчинен его структуралистским идеям. Исследователю предстояло решить два основных вопроса: в чем заключается функция данного социального явления, т.е. какова его роль в функционировании социальной структуры, частью которой оно является, и как выполняется эта функция? Ответ на первый вопрос априорно предопределен, он постулируется в теории общества и заключается в указании роли того или иного явления в механизме социальной интеграции. Причем логическое предпочтение в анализе отдается тем явлениям, которые способствуют укреплению связи в социальной структуре.

⁵¹ Idem. A Natural Science of Society, p. 131.

⁵² Ibid., p. 130.

⁵³ Ibid., p. 106.

⁵⁴ Idem. Method in Social Anthropology, p. X.

⁵⁵ Idem. The Present Position of Anthropological Studies, p. 70.

Что же касается конкретно-научного значения методологического принципа, направленного на изучение исключительно интегративной функции социальных явлений, тем более в обществах недифференцированных, то необходимо отметить, что в любой разновидности системной ориентации при анализе сложных объектов принцип интеграции имеет первостепенное значение. «Когда говорят „системный подход“ или „системный анализ“, — пишет В.П.Кузьмин, — ищите интеграцию... В определенном смысле системный подход и есть методологическое средство изучения интеграции, точнее, интегрированных объектов и интегральных зависимостей и взаимодействий. Такова действительная тайна системного подхода»⁵⁶. Таким образом, сведение Рэдклифф-Брауном задач функционального анализа к изучению лишь интегративных функций социальных явлений, безусловно, сужает его познавательные возможности, но отнюдь не является принципиальным методологическим пороком.

Методика полевой работы

По сравнению с Малиновским Рэдклифф-Браун уделял меньше внимания разработке принципов полевой работы, он всегда признавал приоритет автора «Аргонатов» в этом деле, всецело разделяя следующие основные принципы полевой методики.

1. Этнограф, изучающий какой-либо народ, должен провести несколько лет в интенсивной полевой работе среди его представителей⁵⁷.

2. Ему необходимо жить непосредственно в туземных поселениях, ежедневно вступать в контакты с местными жителями, чтобы к нему привыкли и его присутствие не нарушало естественный ход событий; изучить язык туземцев, чтобы понимать их повседневные разговоры и устранить искажение информации, неизбежное при работе с переводчиком⁵⁸.

3. Находясь в поле, этнограф должен концентрировать свое внимание на взаимосвязи всех явлений в наблюдаемом обществе. Выполнение этой установки должно способствовать «интегральному изучению всей (выделено мной. — А.Н.) культуры»⁵⁹.

4. Исследователь в поле не должен отдавать предпочтение тем явлениям, которые «поражают его воображение, удивляют и выглядят из ряда вон выходящими»⁶⁰, его должны интересовать не столько события, сколько бытование, т.е. «правила и упорядоченность племенной жизни; все, что постоянно и зафиксировано; он должен стремиться к отражению анатомии культуры и конституции общества»⁶¹.

⁵⁶ Кузьмин В.П. Системный подход в современном научном познании, с. 60.

⁵⁷ Radcliffe-Brown A.R. The Methods of Ethnology and Social Anthropology, p. 28.

⁵⁸ Idem. The Present Position of Anthropological Studies, p. 60.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific, p. 11.

⁶¹ Ibidem.

5. Фиксируя явления культуры изучаемого народа, этнограф должен помнить, что источники этнографии «не воплощены в материальных документах, но представлены в поведении и памяти людей»⁶², а поведение и сознание людей, писал Малиновский, это принципиально разные виды реальности. Объективные данные об «анатомии культуры» можно получить только из наблюдения реального поведения⁶³. Рэдклифф-Браун развивает этот тезис: «Невозможно познать значение элемента культуры, задавая населению вопрос: каково значение этого элемента? Люди не думают о значении явлений своей культуры, они воспринимают их как нечто само собой разумеющееся»⁶⁴.

Перечисленные установки составляют корпус наиболее общих принципов полевой методики функционализма и в силу этого отражают воззрения на этот предмет обоих его основоположников.

И Малиновский, и Рэдклифф-Браун видели в полевой работе не только средство получения фактов, но и необходимое условие собственно теоретической работы⁶⁵.

Утверждая, что общетеоретические положения должны направлять наблюдение социальной реальности в поле, Малиновский и Рэдклифф-Браун тем не менее подчеркивали, что решающее слово всегда остается за эмпирикой, под давлением которой исследователь должен быть готов отказаться от априорных теоретических выводов или изменить их в ходе наблюдения⁶⁶.

Рэдклифф-Браун, декларируя требование отражать изучаемое общество как интегральное целое, систему, не смог, так же как и Малиновский, воплотить это положение в эффективных аналитических средствах эмпирического исследования. Для него категория «социальная система» в значительной степени осталась теоретической абстракцией, неприменимой к изучению конкретного общества.

В своих этнографических монографиях Рэдклифф-Браун — теоретик совершенно заслоняет Рэдклифф-Браун — эмпирик. Поэтому интерпретация фактического материала его описательных трудов для исследователя, стоящего на иных теоретических позициях, чрезвычайно затруднена. Что же касается достоверности собранного исследователем материала, то в ряде случаев она подверглась серьезным сомнениям. Супруги Берндт, в частности, отмечают, что Рэдклифф-Браун в монографии, посвященной изучению социальной организации австралийских аборигенов⁶⁷, «рассматривал идеаль-

⁶² Ibid, p. 3.

⁶³ См.: Ibid, p. 11.

⁶⁴ Radcliffe-Brown A.R. The Present Position of Anthropological Studies, p. 58.

⁶⁵ См.: Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific, p. 13; Radcliffe-Brown A.R. Andaman Islanders, p. 231.

⁶⁶ См.: Malinowski B. Coral Gardens and their Magic. A Study of Methods of Tilling the Soil and of Agriculture Rites in the Trobriand Islands. Vol. I. L., 1935, p. 321; Radcliffe-Brown A.R. A Natural Science of Society, p. 28.

⁶⁷ Radcliffe-Brown A.R. The Social Organisation of Australian Tribes. — Oceania, 1930–1931. Vol. I, № 1–4.

ную или сконструированную картину», игнорируя реальную ситуацию⁶⁸. А.Элькин, говоря о выводах Рэдклифф-Брауна по поводу систем родства австралийских аборигенов, утверждает: «Он не мог наблюдать действия этой идеальной логической структуры. Она является формой без содержания»⁶⁹.

О характере собранного Рэдклифф-Брауном эмпирического материала говорит и стиль ведения этнографом полевой работы. Многие требования, который ученый в своих публикациях предъявлял к полевым исследованиям, лишь в слабой степени были им реализованы в экспедициях на Андаманы (1906–1908) и в Австралию (1910–1912). Местных языков Рэдклифф-Браун не выучил. Среди изучаемого населения никогда не жил и в его делах личного участия не принимал. На Андаманах информацию почерпнул главным образом у «осведомленного туземца», знавшего английский язык. В Австралии совершил несколько поездок на северо-запад материка, собирая материал о системах родства, причем большую часть сведений получил, опрашивая представителей самых разных племен штата Западная Австралия, насильственно помещенных в лепрозории, расположенный на острове. Вряд ли можно полагать, что при таком подходе у Рэдклифф-Брауна была возможность проверить методом наблюдения опросные данные.

Социальная антропология в Сиднейском университете

Рост научного авторитета и известности Рэдклифф-Брауна несколько не сдерживал его неумной бродяжнической натуры. В 1926 г. университет Сидней пригласил ученого возглавить кафедру социальной антропологии, и Рэдклифф-Браун, неуживчивый характер которого стал поводом для конфликтов с южноафриканскими властями, без сожаления покинул Кейптаун и уехал в Австралию.

В Сиднее ученому пришлось, по сути дела, создать новую кафедру, так как его предшественники насаждали здесь чуждые его убеждениям идеи. За четыре года пребывания в Австралии Рэдклифф-Браун немало сделал для коренного изменения характера научной деятельности австралийских антропологов, для осуществления центрального пункта своей программы — ведения интенсивных полевых исследований. Как заведующий кафедрой, он получил возможность обучать молодых антропологов методике полевой работы, способам интерпретации полученного материала; как председатель Исследовательского комитета по антропологии австралийского Национального исследовательского совета, имел решающий голос в распределении

⁶⁸ См.: Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М., 1981, с. 60.

⁶⁹ См.: Elkin A.P. Obituary Note on Radcliffe-Brown. — Oceania, 1956. Vol. XXXI, № 1, p. 247.

средств из исследовательских фондов, благодаря чему за короткий срок организовал восемь длительных (до двух лет) экспедиций к аборигенам Австралии и Океании, а также способствовал финансированию множества кратковременных поездок в эти регионы. В обстановке экономического спада конца 20-х годов это было делом чрезвычайно трудным.

По инициативе Рэдклифф-Брауна и под его руководством был основан журнал «Океания», «предназначенный для нового типа исследований коренного населения Океании и прежде всего для того, чтобы дать возможность публиковать результаты интенсивных полевых исследований»⁷⁰. Главным редактором журнала стал сам Рэдклифф-Браун. Первый номер вышел в 1930 г. Он содержал начальную часть монографии ученого «Социальная организация австралийских племен», написанной в основном на материалах экспедиции 1910–1912 г. Этот труд быстро получил известность среди специалистов и стал для многих из них образцом структуралистской интерпретации систем родства. М.Фортес, в частности, отмечал в 1970 г., что выход этой работы знаменовал «начало новой эры в изучении родства и социальной организации примитивных обществ»⁷¹, качественно новый этап в научной традиции, начало которой было положено Л.Г.Морганом. Труд Рэдклифф-Брауна среди антропологов, и в частности среди российских специалистов по этнографии Австралии, до сих пор считается классическим произведением, положившим начало верному направлению в изучении первобытной общины⁷².

Казалось бы, столь успешно начатая в Сиднее деятельность создавала исключительные условия для реализации замыслов Рэдклифф-Брауна, но характер этого человека в очередной раз проявился весьма неожиданно. В 1931 г. он был избран президентом антропологической секции Британской ассоциации содействия развитию науки и уехал в Англию на заседание секции. В Австралию он больше не вернулся, подписав контракт на чтение лекций в университетах США. Одной из причин столь решительного шага А.Купер считает конфликт ученого с властями Австралии и членами Национального исследовательского совета⁷³. Думается, что и сам этот конфликт, и решение оставить Сиднейский университет были вызваны чрезвычайно высокой оценкой Рэдклифф-Брауном своей научной миссии. Убежденный в том, что его призвание — создать методологическую базу для новой науки о всеобщих законах человеческого общества, он пришел к выводу, что дальнейшее выколачивание денежных средств из скудной казны Национального исследовательского совета на организацию полевых исследований и

⁷⁰ Elkin A.P. The Journal Oceania: 1930–1970. A History. — The Oceanic Monographs. 1970, № 16, p. 13.

⁷¹ Fortes M. Kinship and Social Order. The Legacy of Lewis Henry Morgan. Chicago, 1959, p. 42.

⁷² См.: Кабо В.Р. Австралийская община. — Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979, с. 139–141.

⁷³ Kuper A. Anthropologists and Anthropology, p. 63.

издание журнала будут малоэффективным применением его сил и помешают решению главной, по его мнению, задачи.

Чикагский период: становление естественнонаучной теории общества

В США Рэдклифф-Браун прожил с 1931 по 1937 г., преподавая в различных университетах, но главным образом в Чикагском университете. Здесь, в Чикаго, его научная деятельность была направлена на разработку общетеоретических и методологических оснований новой социальной антропологии. От этого периода деятельности помимо небольшого количества статей остался фундаментальный труд «Естественная наука об обществе», который вышел в свет лишь благодаря стараниям американских учеников Рэдклифф-Брауна, сохранивших стенограммы его лекций и опубликовавших их уже после второй мировой войны. Пафос этого труда заключался в главной его установке — новая социальная антропология может и должна стать наукой о всеобщих социальных законах.

Такое представление о главной цели антропологии не было новым. Еще в последней трети XIX в., в период конституирования британской социальной антропологии в качестве особой научной дисциплины, сложилось представление о самых общих задачах этой науки как о задачах обнаружения естественных законов, по которым живет и развивается человеческое общество. Их сформулировал в своем программном труде «Первобытная культура»⁷⁴ патриарх британской, да и мировой антропологии Э.Тэйлор. Это убеждение разделяли его ученик Дж.Фрэнсер⁷⁵ и все представители эволюционистского направления.

Представления Рэдклифф-Брауна о природе изучаемого социальной антропологией объекта претерпели известную эволюцию. В начале своей научной деятельности таким объектом он считал культуру, разделяя традиционное для британской социальной антропологии рубежа веков представление о ее природе.

Однако уже к 30-м годам его отношение к категории «культура» значительно изменилось. В 1937 г. на семинаре в Чикагском университете Рэдклифф-Браун заявил, что культура не может быть самостоятельным объектом изучения, так как не является какой-то особой феноменальной реальностью, но представляет собой лишь одну из характеристик общества⁷⁶.

⁷⁴ Тэйлор Э. Первобытная культура, с. 1–3.

⁷⁵ См.: Fortes M. Social Anthropology at Cambridge since 1900. London—Cambridge, 1953, p. 7.

⁷⁶ Radcliffe-Brown A.R. A Natural Science of Society, p. 96.

Главным мировоззренческим постулатом, от которого отталкивался Рэдклифф-Браун при создании своей «естественно-социологической» теории, было утверждение, что все виды объективной реальности представляют собой различные классы естественных систем. Такими системами являются, например, атом, молекула, агрегаты космических тел, биологические организмы, общества людей и т.д.⁷⁷ Рэдклифф-Браун утверждал, что «каждая система может быть концептуально изолирована от любой другой и от всех систем во вселенной... не существует перехода от одной системы к другой, от системы, с которой имеет дело одна наука, к системе, с которой имеет дело другая»⁷⁸. С этой позиции Рэдклифф-Браун выступил против широко распространенной в современной ему науке редуccionистской тенденции, сводящей природу общества либо к индивидуальному сознанию, либо к биологии человеческого организма. Он присоединился к точке зрения Э.Дюркгейма на общество как особую реальность, несводимую к индивидам, ее составляющим⁷⁹.

Отталкиваясь от общей логической посылки, что любая система определяется: «1) единицами, ее составляющими, и 2) отношениями между ними», Рэдклифф-Браун так определил социальную систему: «Ее единицами являются человеческие существа как совокупности поведенческих явлений, а отношения между ними — это социальные отношения»⁸⁰. В другом определении социальной системы Рэдклифф-Браун выделил в ней следующие составные части: «1) социальную структуру; 2) общую совокупность социальных обычаев; 3) специфические образы мыслей и чувств, о которых мы можем заключить (из поведения или речи), что они связаны с социальными обычаями»⁸¹. Социальная структура как часть социальной системы, по Рэдклифф-Брауну, «состоит из общей суммы всех социальных отношений всех индивидов в данный момент времени»⁸².

Чтобы понять сущность этой категории, надо разобраться, что же понимал Рэдклифф-Браун под «социальными отношениями». Он выделял два типа отношений — отношения подобия и отношения взаимодействия. Отношения подобия — это отношения сходства деятельности и результатов деятельности людей, никак не связанных между собой непосредственно. В таких отношениях находятся, например, два андаманца, никогда не видевшие друг друга, но изготавливающие одинаковые по форме луки. Этот тип отношений определяется принадлежностью людей к одной культуре. Другой тип — тип «реального взаимодействия» между двумя конкретными индивидами, причем не любого взаимодействия, а постоянно повторяющегося, составляющего инвариантное отношение, — создает социальную структуру⁸³.

⁷⁷ Ibid., p. 19–20.

⁷⁸ Ibid., p. 23.

⁷⁹ Ibid., p. 131.

⁸⁰ Ibid., p. 26.

⁸¹ Ibid., p. 152.

⁸² Ibid., p. 55.

⁸³ Ibid., p. 53–55.

Отношения этого типа суть «реальные вещи, части феноменальной реальности» — общества⁸⁴.

Что же, по Рэдклифф-Брауну, формирует отношения, создающие социальную структуру? По этому поводу он писал: «Два или более организма будут находиться в социальных отношениях, как только между ними будет достигнута согласованность интересов»⁸⁵. Общность интересов, создающая социальные отношения и тем самым социальную структуру, находит свое воплощение в социальных обычаях. Реальность социального обычая, по Рэдклифф-Брауну, состоит в том, что множество людей признают его как правило, регулирующее их поведение, причем реальность эта заключена не в самом обычае, а в актах поведения, которые он регулирует и через которые становится доступным наблюдению, а также в признании этого поведения правильным либо неправильным⁸⁶.

Таким образом, социальный обычай, по Рэдклифф-Брауну, — это совокупность правил и норм поведения. Разрабатывая данное положение применительно к тому, что поведение людей различно в разных видах деятельности, Рэдклифф-Браун приходит к категории «институт», определяя ее как «установленные нормы поведения определенной формы социальной жизни»⁸⁷, например семьи, клана, племени, государства и т.п.

Ученый всегда подчеркивал принципиальное различие между реальными отношениями взаимодействия индивидов («социальная структура») и институтами, регулируемыми эти отношения («структурная форма»). Если первая часть рассматриваемой дихотомии для него феноменальная реальность, то вторая — то, что придает реальности форму. С изучением «структурной формы» Рэдклифф-Браун связывает целый раздел социальной антропологии — «социальную морфологию»⁸⁸.

«Социальная морфология», в понимании Рэдклифф-Брауна, в конечном счете, имеет дело с изучением культуры, так как «культура» — это «термин, который обычно относится к определенной стандартизации поведения, внутреннего и внешнего, в определенной группе человеческих существ, в определенном обществе»⁸⁹. Иными словами, культура для него — это совокупность институтов, основное назначение которых — социальная кооптация, аранжировка индивидов в структурных отношениях. Рэдклифф-Браун считал, что ни «социальная структура, ни культура не могут изучаться в отрыве друг от друга»⁹⁰.

Если «социальная морфология» направлена на статическое изучение социальных обычаев, то другой раздел социальной антропологии — «социаль-

⁸⁴ Ibid., p. 43.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Idem. Structure and Function in Primitive Society, p. 10–11.

⁸⁷ Ibidem.

⁸⁸ См.: Idem. A Natural Science of Society, p. 54.

⁸⁹ Ibid., p. 92.

⁹⁰ Ibid., p. 107.

ная физиология» «имеет дело с функционированием и сохранением системы»⁹¹, т.е. с теми процессами, при помощи которых социальная система сохраняет свой тип в постоянно изменяющихся условиях. Характер этих процессов отражен в трактовке Рэдклифф-Брауном категории «функция». Данные им многочисленные определения этой категории заставляют предполагать, что ученый воспринял ее не как строгое и однозначное логическое понятие, но как термин, обозначающий широкий диапазон отношений одного элемента социальной системы к другим и к системе в целом, с одной стороны, и не менее широкий диапазон отношений социальной системы к ее составным частям — с другой. Так, функцию социальной системы Рэдклифф-Браун видел в том, что она «снабжает индивидов средствами для достижения определенных целей. Но она также снабжает индивидов этими целями»⁹². «Функция любого социального обычая (или любого верования, идеи или чувства, т.е. части социальной системы) заключается в том вкладе, какой этот обычай вносит в „правильное“, или „существенное“, действие социальной системы, частью которой является»⁹³. Правильное, или существенное, действие социальной системы, по Рэдклифф-Брауну, заключается в двух ее функциях — в «обеспечении определенной адаптации к природному окружению и в обеспечении определенной интеграции, т.е. в объединении индивидов в упорядоченной аранжировке»⁹⁴.

В 1935–1936 гг. Рэдклифф-Браун совершил поездку в Китай для чтения лекций в пекинском колледже. Знакомство с китайской культурой оставило глубокий след в мировоззрении английского антрополога. Подобно тому как французская социологическая мысль стала в свое время мощным стимулом в теоретическом творчестве Рэдклифф-Брауна, на этот раз учение древних даосских философов о «Великом пути — Дао», представляющем собой диалектическое единство двух вездесущих и противоположных начал — «инь» и «ян», повлияло на методологию основоположника структурно-функционального подхода, в частности на сформулированный им закон «борьбы противоречий» в социальной структуре⁹⁵.

Оксфордский период: доминирующая роль структуралистской школы в британской социальной антропологии

В 1937 г., почти через четверть века, Рэдклифф-Браун вернулся на родину. Его авторитет теоретика среди британских ученых стал к этому времени

⁹¹ Ibid., p. 86.

⁹² Ibid., p. 154.

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ Ibid., p. 144.

⁹⁵ Idem. The Comparative Method in Social Anthropology. — Method in Social Anthropology, p. 103.

общепризнанным, и, возглавив новый департамент социальной антропологии Оксфордского университета, Рэдклифф-Браун сделался неформальным лидером функционалистской социальной антропологии. В это время Малиновский, чье лидирующее положение пошатнулось, навсегда уехал из Англии.

Не может не возникнуть вопрос о взаимоотношениях Малиновского и Рэдклифф-Брауна. Являясь основоположниками нового направления в одной и той же научной дисциплине, они на протяжении своей жизни почти никак не были непосредственно связаны между собой. Однако во время эпизодических встреч еще на заре их научной карьеры не раз убеждались в сходстве своих теоретических позиций. Одна из таких встреч состоялась в 1914 г. в Австралии во время работы антропологической секции Британской ассоциации содействия развитию науки, секретарем которой был Малиновский. Много лет спустя Рэдклифф-Браун так вспоминал об этой встрече: «Мы много раз и подолгу вели разговоры об антропологии, о целях и методах полевой работы и пришли к полному согласию»⁹⁶. В том же, 1914 г. Рэдклифф-Браун написал рецензию на первую монографию Малиновского об австралийской семье⁹⁷, назвав этот труд «лучшим в английской литературе примером научного метода в описании обычаев и институтов дикарей»⁹⁸. Единство основных положений своей методологии с воззрениями Рэдклифф-Брауна не раз подчеркивал Малиновский. Иногда в кругу коллег он в шуточной форме именовал Рэдклифф-Брауна, как и себя, «архифункционалистом»⁹⁹.

К концу 30-х годов ситуация изменилась — Малиновский, все больше склоняясь в своих теоретических работах к биологизму и психологизму в трактовке культуры, высказывался против социологического подхода, на позициях которого всю жизнь стоял Рэдклифф-Браун¹⁰⁰. Противоречия между лидерами «новой» социальной антропологии дошли до того, что Рэдклифф-Браун стал публично возражать против именованя себя функционалистом, объясняя это тем, что понятие «функционализм» у многих ассоциируется с доктриной Малиновского, «которая каждую черту культуры любого исторического и современного народа объясняет, связывая ее с семью биологическими потребностями человеческого организма». «Что касается меня, — пишет он в статье „Функционализм: протест“ 1949 г., — то я отвергаю эту доктрину полностью, считая ее не только бесполезной, но и

⁹⁶ Цит. по: Kuper A. *Anthropologists and Anthropology*, p. 85.

⁹⁷ Malinowski B. *The Family among the Australian Aborigines. A Sociological Study*. L., 1913.

⁹⁸ Цит. по: Barnes J.A. Introduction. — Malinowski B. *The Family among the Australian Aborigines*. N.Y., 1963, p. XVI.

⁹⁹ См.: Firth R. Introduction. Malinowski as Scientist and as Man. — *Man and Culture. An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski*. Ed. by R.Firth. L., 1957, p. 11.

¹⁰⁰ См.: Malinowski B. *A Scientific Theory of the Culture and other Essays*. N.Y., 1960, p. 69.

вредной»¹⁰¹. «Для реабилитации понятия „функционализм“, — иронизирует Рэдклифф-Браун, — надо общую теорию культуры Малиновского назвать „малиновскианизмом“»¹⁰².

Рэдклифф-Браун и Малиновский никогда не принадлежали к единой научной школе, хотя их влияние на новое поколение британских антропологов имело много общих черт и было одинаково существенным. На первых порах Малиновский играл ведущую роль в пропаганде новой научной ориентации среди молодежи, так как занимал пост главы департамента социальной антропологии в ЛШЭПН, где в его знаменитом семинаре, начиная с 1924 г., получили антропологическое образование абсолютное большинство функционалистов второго поколения, которые в межвоенный период представляли новую антропологию, а после второй мировой войны заняли в ней ключевые позиции. Эти ученые — Э.Эванс-Причард, Р.Фёрс, М.Форте, И.Шапера, М.Глакмен, М.Вильсон, Х.Купер, О.Ричардс, З.Надель и др. — в настоящее время считаются классиками.

Поначалу работу семинара в ЛШЭПН активно поддерживал Рэдклифф-Браун, не без оснований считавший, что лучшей подготовки к полевой этнографической работе нигде в мире нет. Многие участники семинара приехали в Лондон из основанных Рэдклифф-Брауном новых центров подготовки антропологов и по его совету. И.Шапера, М.Глакмен, Х.Купер, Э.Хелман приехали из Южной Африки; Я.Хогбин, Р.Пиддингтон, Ф.Каббери, У.Станнер, У.Мак Коннел, А.Элькин — из Австралии. До середины 30-х годов школа Малиновского была сплоченным коллективом, напоминавшим религиозную секту, в которой авторитет главы был непререкаем. Рэдклифф-Браун, постоянно переезжавший из страны в страну, находился как бы в тени, его влияние на молодежь осуществлялось косвенно, через так называемый «незримый колледж» — неформальное сообщество ученых, объединяемых признанием отдельных положений исследовательской программы лидера.

Все изменилось к концу 30-х годов — вчерашние аспиранты стали зрелыми учеными. Многие из них убедились на собственном опыте в том, что методы Малиновского имеют серьезные слабости, стиль его руководства чрезмерно авторитарен, а его биологическая трактовка категории «функция» не выдерживает никакой критики. Естественным в этой ситуации был рост интереса к методам Рэдклифф-Брауна. Если для антропологов-океанистов стиль Малиновского, основанный на принципах интуитивного и чисто описательного охвата всех аспектов изучаемой культуры, вполне подходил, так как их объект — островные сообщества — был ограничен самой природой, то антропологов-африканистов он никак не устраивал. Изучая жизнь африканских народов, насчитывающих сотни тысяч человек и расселенных чересполосно с другими народами на огромных пространствах, исследовате-

¹⁰¹ Radcliffe-Brown A.R. Functionalism: A Protest. — *American Anthropologist*. 1949. Vol. 51, № 2, p. 320–321.

¹⁰² *Ibid.*, p. 323.

ли были вынуждены искать аналитические средства, дающие возможность вычленивать из многообразных проявлений жизнедеятельности народа тот костяк, который придавал ей определенную форму, составлял ее структурную основу и при этом определял структурную границу данного народа. Структуралистская доктрина Рэдклифф-Брауна с ее категориями «социальная структура», «социальная система», «структурная форма», «структурные принципы» и др. обещала новые аналитические возможности.

С образованием нового департамента социальной антропологии в Оксфорде научная школа Рэдклифф-Брауна стала приобретать организационные основания. Она с самого начала резко отличалась от школы Малиновского, хотя обе они включали в свой состав примерно одних и тех же исследователей. Различие проявлялось прежде всего в характере взаимоотношений между главой школы и ее членами. Рэдклифф-Браун отвергал сами понятия «школа», «последователи». Он писал: «Все, что учитель может сделать, — это помочь ученику во время обучения понять научный метод и применять его. В его задачу не входит создавать последователей»¹⁰³. Такие отношения гораздо больше соответствовали ситуации в новой британской антропологии, с которой столкнулся Рэдклифф-Браун: здесь были уже не новички, но опытные исследователи, имеющие за плечами многие месяцы полевой работы и немало публикаций.

Эванс-Причард и Фортес, ставшие сотрудниками Рэдклифф-Брауна в Оксфорде, участвовали в формировании методологических основ исследовательской программы нового научного центра. Недаром, по словам А.Купера, «некоторые из наиболее последовательных сторонников Малиновского считали Рэдклифф-Брауна не более чем номинальным главой коллектива, в котором доминировали радикально настроенные молодые люди — Э.Эванс-Причард и М.Фортес»¹⁰⁴.

Книга Эванс-Причарда о нуэрах¹⁰⁵ стала наряду с работами Рэдклифф-Брауна программным документом оксфордской школы. Для многих ее членов именно эта книга стала мостом, смягчающим противоречия между чрезмерным формализмом методов Рэдклифф-Брауна и эмпиризмом Малиновского.

К началу 40-х годов роль ведущего теоретического центра британской социальной антропологии окончательно перешла от департамента в АШЭПН к Оксфорду. Своеобразным выражением теоретического единства этой науки на этом этапе стал исследовательский проект, который закончился изданием в 1940 г. фундаментального коллективного труда «Африканские политические системы»¹⁰⁶, посвященного изучению общинно-клановых структур ряда африканских народов. В него вошли исследования большинства ведущих

¹⁰³ Цит. по: Kuper A. Anthropologists and Anthropology, p. 65.

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ Evans-Pritchard E.E. The Nuer. A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People. Oxf., 1940.

¹⁰⁶ African Political Systems. Ed. by M.Fortes and E.E.Evans-Pritchard. L., 1940.

представителей структурно-функциональной антропологии: А.Р.Рэдклифф-Брауна, Э.Эванс-Причарда, М.Фортеса, М.Глакмена, И.Шаперы, О.Ричардс, К.Оберга, З.Наделя, Г.Вагнера. При всем своеобразии исследовательских позиций авторов этого труда объединяло использование разработанной Эванс-Причардом «парадигмы линиджа», что привело к определенной унификации теоретических выводов по конкретным обществам.

Не менее выразительной демонстрацией теоретического единства оксфордской школы был и второй коллективный труд — «Африканские системы родства и брака»¹⁰⁷, написанный примерно тем же составом исследователей. Он вышел в свет в 1950 г. При анализе отношений классификационного родства у африканских народов авторы исходили из единого комплекса структуралистских положений Рэдклифф-Брауна, изложенных им самим в объемном введении.

Не без влияния Рэдклифф-Брауна в 40–50-х годах критике подвергались уже не только классики викторианской антропологии, но и Малиновский. Одним из первых, кто выступил против теоретической невнятности и эмпирической перегруженности этнографических работ, написанных в стиле Малиновского, был Эванс-Причард. Он подчеркнул глубокое различие между теоретическим описанием и интуитивно-беллетристическим нагромождением фактов¹⁰⁸. Развернутую критику методов анализа Малиновского и его биологической теории культуры дал М.Глакмен¹⁰⁹.

Не остался без критического внимания и сам Рэдклифф-Браун. Фортеc, в частности, в 1945 г. прямо написал в предисловии к одной из своих книг: «Социальная антропология не обладает... набором хорошо обоснованных теоретических принципов, с которыми каждое новое наблюдение могло бы быть соотнесенным», что же касается «теорий структуры и функции Рэдклифф-Брауна и Малиновского... то достоинства понятий этих теорий заключаются не в объяснительных, но в эвристических их возможностях»¹¹⁰.

Разногласия между Рэдклифф-Брауном и членами его школы были, но касались они лишь расстановки акцентов и некоторых нюансов применения методов структурного анализа в изучении общественной организации примитивных народов. Так, противоречие между Рэдклифф-Брауном и Эванс-Причардом по поводу трактовки категории «социальная структура» сводилось к разному решению вопроса о том, что является более важным — межличностные отношения или межгрупповые и внутригрупповые. Рэдклифф-Браун отдавал приоритет межличностным отношениям, а Эванс-Причард — межгрупповым, но спор велся в пределах одной системы понятий и довольно легко разрешался компромиссом в виде отдельного анализа

¹⁰⁷ African Systems of Kinship and Marriage. Ed. by A.R.Radcliffe-Brown and D.Forde. L., 1950.

¹⁰⁸ Evans-Pritchard E.E. The Nuer, p. 261.

¹⁰⁹ Gluckman M. An Analysis of the Sociological Theories of Bronislaw Malinowski. Cape Town—London, 1949.

¹¹⁰ Fortes M. The Dynamics of Clanship among the Tallensi. L., 1945, p. VII, XI.

этих аспектов. Так поступали многие антропологи, тяготевшие к оксфордскому центру. Фортес, в частности, анализу социальных группировок посвятил свою книгу «Динамика клановой принадлежности у талленси»¹¹¹, а межличностных отношений классификационного родства — «Сеть родства у талленси»¹¹². Особенно наглядно этот компромисс на уровне всей оксфордской школы выступает в двух отмеченных выше коллективных монографиях, посвященных общественной организации африканских народов.

В 40-х годах Рэдклифф-Браун несколько раз избирался президентом Королевского антропологического института. Пост главы департамента он оставил по возрасту в 1946 г., но потом еще долго преподавал в различных университетах не только из любви к своему предмету, но и в связи с затруднительным материальным положением¹¹³. Во время второй мировой войны, занимая пост британского консула в Сан-Паулу, ученый в течение двух лет читал лекции в местном университете. В 1947 г. некоторое время был профессором в университете Александрии, а затем в Кембридже, Лондоне, Манчестере, Грейамстауне (Южная Африка), читал мемориальные лекционные курсы. Умер Рэдклифф-Браун в 1955 г., вскоре после своего возвращения в Лондон из Южной Африки. Незадолго до смерти его посетил в больнице Р.Фёрс. Он спросил престарелого ученого, не желает ли тот чего-нибудь почитать для времяпрепровождения, и Рэдклифф-Браун ответил: «Единственное, что меня интересует, — это теоретическое развитие социальной антропологии»¹¹⁴.

Микросоциология примитивных обществ

Многие воззрения на институты примитивного общества были унаследованы Рэдклифф-Брауном от его учителей. В творчестве некоторых британских антропологов, которых обычно относят к эволюционистскому направлению, встречаются исследования, отмеченные попытками целостного отражения общественных институтов, анализа социальных функций отдельных явлений. Эти исследования привлекали внимание Рэдклифф-Брауна, определенным образом влияли на его теоретические взгляды в сфере изучения примитивных обществ.

К такого рода исследованиям можно отнести работы У. Робертсона Смита, которые действительно представляли собой аномалию в обстановке господства тайлоровских идей в британской социальной антропологии 70–80-х годов XIX в. В отличие от Тайлора, который рассматривал религию примитивных народов как результат деятельности мыслящего индивида («первобытного философа»), Робертсон Смит поставил вопрос об обществен-

¹¹¹ Ibidem.

¹¹² Idem. *The Web of Kinship among the Tallensi*. L., 1949.

¹¹³ См.: *Kuper A. Anthropologists and Anthropology*, p. 65.

¹¹⁴ См.: Idem, p. 66.

ной природе религии и общественных функциях религиозного ритуала. Многие современные специалисты полагают, что работы Робертсона Смита положили начало социологическому анализу «примитивной» религии. Необходимо все же признать, что идеи Робертсона Смита оказали влияние на ее трактовку не прямо, а через труды Дж.Фрэзера и Э.Дюркгейма.

Рэдклифф-Браун, отмечая в трудах Фрэзера элементы структурно-функциональной логики¹¹⁵, благодаря которой Фрэзер сделал определенный шаг от элементаризма к системности, воспринял ряд идей своего соотечественника через исследования Дюркгейма и членов его «социологической школы» (М.Мосса, А.Юбера, С.Бугле и др.). Эта школа интенсивно занималась исследованием проблем ранних форм религии и в своей работе в значительной степени опиралась на труды Фрэзера. Теоретическая позиция Рэдклифф-Брауна в этом вопросе была последовательно дюркгеймовской, даже более последовательной, чем у непосредственных учеников французского социолога.

С выходом в свет в 1912 г. книги «Элементарные формы религиозной жизни»¹¹⁶ учение Дюркгейма о тождестве «священного» и «социального», о регулятивных и интегративных функциях религии, социологический подход к изучению религии стали фундаментом религиоведческой позиции Рэдклифф-Брауна. Показательно, что в 1913 г. он основательно переделал свою рукопись об андаманцах, внося исправления в духе идей Дюркгейма. Вместе с тем Рэдклифф-Браун решительно отверг и даже публично критиковал эволюционистские представления главы французской социологической школы о тотемизме как самой первой стадии развития религии¹¹⁷.

Одним из основоположников теоретической социальной антропологии функционализм с почтением объявил Л.Г.Моргана¹¹⁸. «То, что сейчас называют структуралистской теорией в исследовании родства и социальной организации, — писал в 1969 г. ученик Рэдклифф-Брауна М.Форте, — можно найти в работах Моргана, причем не только в чисто историческом, но и в концептуальном смысле»¹¹⁹. Ударение на «концептуальной» стороне моргановского наследия сделано не зря, ибо его формально-логическая часть особенно привлекала функционалистов. Отвергая выводы Моргана о характере исторического развития систем родства и брака, они восприняли его типологию систем, введенные им понятия и саму исследовательскую проблематику, которая впервые в истории западной науки указала на важность изучения родственных отношений и предложила способы этого изучения.

Проблема изучения классификационных систем родства стала одной из ведущих в социальной антропологии. Рэдклифф-Браун еще в годы учебы

¹¹⁵ Radcliffe-Brown A.R. The Sociological Theory of Totemism. — Structure and Function in Primitive Society, p. 152.

¹¹⁶ Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. L., 1976.

¹¹⁷ Radcliffe-Brown A.R. The Sociological Theory of Totemism, p. 123.

¹¹⁸ См.: Fortes M. Kinship and Social Order, p. 3.

¹¹⁹ Ibid., p. 4.

в Кембридже усвоил комплекс познавательных задач в этой области. Задачи эти впервые поставлены Морганом, а затем разработаны Риверсом. Они сводились к четырем, отчасти сохранившим свою актуальность и в современной антропологии, проблемам: 1) выделению категорий родственников в рамках элементарной семьи; 2) выявлению различных видов формализованных отношений между различными категориями родственников; 3) выявлению отношений между различными формами брака и системами терминов родства; 4) выявлению специфического взаимодействия различных типов объединений родственников (клан, линидж, субклан и т.п.) с соответствующими разновидностями форм брака¹²⁰.

В решении этих проблем Риверс сделал определенный шаг в преодолении примитивного эволюционизма. Обладая опытом личного наблюдения отношений между классификационными родственниками у примитивных народов (тогда Индии и меланезийцев), Риверс пришел к выводу, что «термины классификационного родства определяются социальными отношениями, они просто обозначают эти отношения»¹²¹. Такой вывод опровергал тезис Моргана о том, что системы классификационных терминов — это лишь словесное отражение исчезнувших форм брака, своеобразный пережиток. Отмечая новаторство выводов Риверса, необходимо указать, что в своих утверждениях о социальных функциях систем родства он не был последователен: нередко трактовал их и как пережитки, и (чрезвычайно узко) как системы, регулирующие лишь половые отношения, и как следствие «аномальных» форм брака¹²².

Проблема изучения отношений родства

Исходным постулатом теории отношений родства Рэдклифф-Брауна послужил тезис о примате социального над биологическим в этих отношениях. В основе классификационных систем родства, по мнению Рэдклифф-Брауна, лежит не реальное кровное родство («потoki крови»), а специфический набор социальных отношений¹²³, которые мыслились ученым в виде атрибута общества как особой реальности, несводимой к биологической природе человека. Совокупность связей между классификационными родственниками в конкретном обществе определялась как «сеть социальных отношений... которая составляет часть всеобщей сети социальных отношений», т.е. «социальной структуры» данного общества¹²⁴.

¹²⁰ См.: Firth R. Rivers on Oceanic Kinship. — *Rivers W.H.R. Kinship and Social Organization*. L., 1968, p. 17.

¹²¹ *Rivers W.H.R. Kinship and Social Organization*, p. 40.

¹²² См.: Firth R. Rivers on Oceanic Kinship, p. 24, 36.

¹²³ См.: Radcliffe-Brown A.R. Introduction. — *African Systems of Kinship and Marriage*, p. 4.

¹²⁴ Idem. *The Study of Kinship Systems. — Structure and Function in Primitive Society*, p. 53.

Занимаясь проблемами классификационного родства, Рэдклифф-Браун подверг критике господствующий в эволюционизме подход к этому явлению как к пережитку, остаткам исчезнувших форм семьи, сохранившихся лишь в виде терминов родства, не имеющих никакого соответствия в реальной действительности.

Критика Рэдклифф-Брауна была вполне обоснована эмпирически, так как обильный фактический материал, накопленный наукой к началу XX в., личный полевой опыт антрополога свидетельствовали, что классификационная терминология родства не пережиток, но социальное явление, играющее важную роль в повседневной жизни многих примитивных обществ. «Система родства, — пишет исследователь, — должна работать для того, чтобы существовать и сохраняться. Она должна обеспечивать связную и действующую систему социальных отношений, определяемую социальным обычаем»¹²⁵. Таким образом, функция системы родства заключается в «регулировании повседневной жизни людей»¹²⁶. Регулирование социальных отношений в обществах с классификационными системами родства, по утверждению Рэдклифф-Брауна, «производится путем образования фиксированных и более или менее определенных образцов поведения для каждого из признанных видов родства»¹²⁷. Эти фиксированные образцы поведения ассоциируются с терминами, «используемыми в обществе для называния родственников при обращении к ним», данные термины являются «частью системы и как таковые суть идеи этих людей (использующих классификационные термины. — А.Н.) о родстве»¹²⁸.

«Единицей структуры», из которой возникает любая система родства, Рэдклифф-Браун считал «элементарную семью, состоящую из мужчины, его жены и... детей, независимо от того, живут они вместе или нет»¹²⁹. Согласно его концепции, основные типы отношений между классификационными родственниками берут начало в элементарной семье. Небольшое количество родственных терминов (мать, отец, брат, сестра и т.п.), распространяясь за пределы элементарной семьи и охватывая практически все социальное пространство, дает эффект «упрощения и экономии» в отношениях с большинством членов данного общества¹³⁰. Это спонтанная особенность многих примитивных обществ с классификационными системами родства. Данное положение стало теоретической основой изучения Рэдклифф-Брауном отношений классификационного родства: на нем ученый основал свой метод структурного анализа этого явления, направленный на вычленение структурных принципов родства, а также метод сравнительного анализа, призван-

¹²⁵ Ibid., p. 62.

¹²⁶ Ibid. Andaman Islanders, p. 52.

¹²⁷ Idem. The Mother's Brother in South Africa — Structure and Function in Primitive Society, p. 18.

¹²⁸ Idem. The Study of Kinship Systems, p. 53.

¹²⁹ Ibid., p. 51.

¹³⁰ Idem. Introduction, p. 34.

ный путем сопоставления действия структурных принципов в различных социальных системах выводить универсальные структурные принципы.

Главным структурным принципом родства, на котором основана классификационная терминология, Рэдклифф-Браун считал сформулированный им принцип «единства группы сиблингов». Под единством он понимал не внутреннее единство группы, выраженное в отношениях ее членов друг к другу, а тот факт, что эта группа может составлять единое целое для человека, находящегося за ее пределами, но связанного специфическими отношениями с одним из ее членов: «Так, в некоторых системах сына учат относиться к группе сиблингов его отца как к единому целому, с которым он связан как их „сын“»¹³¹.

Результат действия этого принципа Рэдклифф-Браун усматривал в распространении у некоторых народов обычая называть сестру отца «женским отцом», а брата матери — «мужской матерью». По утверждению ученого, «обычай называть сестру отца „женским отцом“ указывает на то, что эта женщина находится в таких отношениях с сыном своего брата, которые существенным образом подобны отношениям отца со своим сыном»¹³².

Другим важнейшим структурным принципом родства Рэдклифф-Браун называл принцип «единства линиджа». Ученый утверждал, что непременным условием классификационной системы родства является наличие в обществе кланов¹³³.

По определению Рэдклифф-Брауна, «патрилинейный (или агнатный) линидж состоит из мужчины и всех его потомков по мужской линии на протяжении определенного количества поколений», а клан — это «группа, которая хотя в действительности и не является линиджем (принадлежность к ней не может быть прослежена по реальной генеалогии, так как ее корни (истоки) теряются в далеком прошлом — А.Н.), но принимается за таковой»¹³⁴. Различие между линиджем и кланом, по Рэдклифф-Брауну, заключается в том, что основатель клана, как правило, мифический персонаж. В конкретных обществах линиджи различных таксономических уровней воспринимаются как иерархические подразделения максимальной генеалогической (часто мифологизированно генеалогической) общности — клана.

Сущность принципа «единства линиджа», по Рэдклифф-Брауну, заключается в том, что индивид, условно поставленный в центр системы классификационного родства, включает в особые категории, часто носящие общий термин родства, членов линиджей всех своих ближайших родственников (матери, отца, бабок, жены и т.п.).

Исследуя материал по терминологии родства некоторых племен североамериканских индейцев, собранный С.Таксом, а также другие материалы, Рэдклифф-Браун продемонстрировал действие принципа «единства линиджа»,

¹³¹ Ibid., p. 24.

¹³² Ibid., p. 26.

¹³³ Idem. Andaman Islanders, p. 53.

¹³⁴ Idem. The Study of Kinship Systems, p. 70.

которое выразилось, в частности, у африканского народа вандау в том, что дед по матери, брат матери, сын брата матери называются одним термином — «дед»¹³⁵.

Анализируя широко распространенный, особенно в Австралии, обычай, по которому в одну категорию объединяются родственники чередующихся поколений, Рэдклифф-Браун сформулировал структурный принцип «комбинации альтернативных поколений». Влияние этого принципа на формирование классификационной терминологии родства ученый показал, привлекая материалы по австралийским аборигенам, у которых деда (отца отца) принято называть «старшим братом»¹³⁶.

Рэдклифф-Браун был склонен приписывать сформулированным им структурным принципам классификационного родства универсальное значение, статус социального закона. Об этом свидетельствует его утверждение, что все существующие системы классификационного родства конструируются из ограниченного набора одних и тех же структурных принципов, «которые могут быть использованы и комбинированы различными способами. Характер структуры зависит от выбора, метода использования и комбинации этих принципов»¹³⁷. Те особенности классификационной терминологии, которые ученый свел к нескольким структурным принципам, в действительности весьма широко распространены в известных этнографии примитивных обществах. Это подтверждает обширная этнографическая литература, на это указывал и сам Рэдклифф-Браун, подкрепляя свои выводы многочисленными фактами из жизни народов Африки, Америки, Австралии и Океании. Структурные принципы представляют собой оригинальную попытку достичь определенного уровня формализации эмпирического материала, без которой невозможно его теоретическое обобщение. Сформулированные Рэдклифф-Брауном структурные принципы родства были отнюдь не самоцелью его научной работы, ибо мыслились им как средство анализа отдельных, частных сторон жизнедеятельности примитивных обществ.

Структурные принципы Рэдклифф-Брауна суть отражение неких диадных поведенческих моделей, выраженных в терминах классификационного родства. Представляя эти модели как элементы социальной структуры, Рэдклифф-Браун подходит к анализу целого ряда частных проблем изучения систем родства и брака, ставших к тому времени уже традиционными для британской социальной антропологии.

Отвергнув эволюционистскую трактовку проблемы авункулата как основанную на чисто умозрительном предположении, что особые отношения, связывающие человека с дядей по матери, наблюдаемые во многих примитивных обществах, — это пережитки матриархата в патриархальном обществе¹³⁸, Рэдклифф-Браун заявил, что «обычаи, относящиеся к брату матери...

¹³⁵ Ibid., p. 79.

¹³⁶ Ibid., p. 69.

¹³⁷ Idem. Introduction, p. 83.

¹³⁸ Idem. The Mother's Brother in South Africa, p. 15.

не являются обособленным институтом, но частью единой системы: и ни одно объяснение части системы не может быть удовлетворительным, пока не будет связано с анализом системы как целого»¹³⁹. Привязанность к детям со стороны брата их матери и целый ряд традиционных обязательств по отношению к ним Рэдклифф-Браун объясняет следующим образом: «В патриархальных обществах определенного типа особый образец поведения между сыном сестры и братом матери вытекает из образца поведения, существующего в отношениях между ребенком и его матерью (действие принципа „единства сиблингов“. — А.Н.). Тот же самый тип поведения имеет тенденцию быть распространенным на всех родственников матери, т.е. на всю семью или группу родственников, к которой принадлежит и брат матери (действие принципа „единства линдажа“. — А.Н.)¹⁴⁰». Далее Рэдклифф-Браун обосновывает системную связь этих двух принципов со структурным принципом «комбинации альтернативных поколений», которая у ряда народов выражается в том, что вместе с термином «мужская мать» по отношению к брату матери применяется еще и термин «дед», и в этом проявляется сущность поведенческих моделей, ассоциируемых с этими терминами.

Приведенная особенность классификационной терминологии родства и ассоциируемого с ней типа поведения подводит нас к положению концепции Рэдклифф-Брауна, которому он придавал важное значение. Речь идет о специфическом типе отношений, которые он назвал отношениями с подшучиванием («шутливыми отношениями»). Они представляют собой особую модель поведения в отношениях между классификационными родственниками определенных категорий, модель, которая включает своеобразную комбинацию дружелюбия и враждебности, выраженную в «неуважении», санкционированном обычаем¹⁴¹.

Прямой противоположностью «шутливым отношениям» являются отношения подчеркнутого уважения. Эти альтернативные модели поведения, по утверждению Рэдклифф-Брауна, находятся в противоречивом единстве, всегда строго фиксируются и контролируются обычаем и регулируют повседневную жизнь в обществах, лишенных политической власти, где особое значение имеют родственные связи.

Брак в примитивных обществах означает установление тесных отношений с группой до сих пор относительно незнакомой, чужой. Если в своей семье и клане, утверждает Рэдклифф-Браун, человек занимает определенное положение и его отношения с сородичами и соседями привычны и устойчивы, то в отношениях с людьми из другой группы, с представителем которой заключен брак, такой определенности нет. Ситуация весьма характерная для примитивного общества, когда чужое вызывает подозрительность и

¹³⁹ Ibid., p. 18.

¹⁴⁰ Idem. On Joking Relationships. — Structure and Function in Primitive Society, p. 99.

¹⁴¹ Ibid., p. 91.

страх, чревата всевозможными недоразумениями и порождает набор правил, предписывающих подчеркнутое уважение и почитание старших по возрасту или генеалогическому поколению (разновидностью этих правил является обычай «избегания») и «шутливое отношение», доходящее до подтрунивания над равными по возрасту или поколению. Подтрунивание это имеет определенные обычаем рамки и часто напоминает своеобразный ритуал: во всех случаях обижаться на него считается «неприличным»¹⁴².

Особенно велика роль «шутливых отношений» в механизме передачи культурной традиции от одного поколения к другому. Для того чтобы традиция сохранялась в примитивном обществе, за ней, как справедливо полагает Рэдклифф-Браун, должен стоять авторитет, который во многих таких обществах принадлежит первому восходящему поколению родственников, — отсюда отношения подчинения и одностороннего уважения между поколениями детей и отцов. Как своеобразный контраст, подчеркивающий этот тип отношений, устанавливаются «шутливые отношения» между внуками и дедами. У отдельных народов внуки и деда принадлежат к одной категории классификационного родства, и взаимоотношения между ними отличаются непринужденностью, доходящей в Австралии, например, до шутливых притязаний на роль мужа собственной бабушки¹⁴³.

В полном соответствии со своими представлениями о роли структурных принципов родства Рэдклифф-Браун трактует проблему сорората — обычая жениться на сестре или другой родственнице умершей жены, широко распространенного во многих примитивных обществах. Сорорат, утверждает исследователь, «наиболее часто встречается в связи с патрилинейным линиджем и тем, что может быть названо отцовско-правовым браком, и именно в этих условиях он наиболее эффективно функционирует, сохраняя и усиливая отношения, установленные браком»¹⁴⁴. Обычай сорората выражается прежде всего в том, что мужчина «может взять вторую жену без вступления в новые социальные связи (сохраняя таким образом связи, уже установившиеся, но поставленные под угрозу разрыва смертью первой жены. — А.Н.)... а вступление в брак с этой родственницей (сестрой жены или дочерью брата жены. — А.Н.) является просто результатом приложения принципа единства линиджа в системе патрилинейного линиджа»¹⁴⁵.

Нетрудно заметить, что, объясняя рассмотренные обычаи и особенности систем родства, Рэдклифф-Браун неизменно делает акцент на их интегративной функции, т.е. на том, каким образом эти обычаи и особенности способствуют поддержанию, сохранению и воспроизводству социальной структуры. Само содержание структурных принципов Рэдклифф-Брауна отражает своеобразный «запас прочности» социальной структуры, ибо все они концентрируют внимание на одном аспекте — на идентичности отношений

¹⁴² Ibid., p. 92.

¹⁴³ Ibid., p. 97.

¹⁴⁴ Idem. Introduction, p. 65.

¹⁴⁵ Idem. The Study of Kinship Systems, p. 81.

индивида с совокупностью лиц, принадлежащих к той или иной категории (сиблинги, линиджа, поколение). Такой подход не случаен, ибо, во-первых, вычленяет ряд типов диадных отношений, во-вторых, вскрывает способ их восполнения в случае смерти любого из партнеров индивида по этим отношениям. Структурные принципы родства Рэдклифф-Брауна ведут к тезису о невозможности индивиду в примитивном обществе остаться без полного набора регламентированных взаимосвязей. Чтобы ни случилось с ближайшими родственниками человека, где бы он ни оказался в пределах своего общества, он всегда будет находиться в самом центре диадных взаимосвязей, которые в своей совокупности представляют социальную структуру.

Через призму интегративной и регенеративной функций Рэдклифф-Браун рассматривает обычаи, регулирующие заключение брака в примитивном обществе. Заключение брака трактуется исследователем как чрезвычайно важное социальное мероприятие. Брак, считает ученый, это не только и не столько регулирование половых отношений, сколько «союз между двумя семьями или группами родственников»¹⁴⁶, основная функция которого — «воссоздание социальной структуры»¹⁴⁷. Все брачные обычаи расцениваются Рэдклифф-Брауном как средство самоорганизации общества и защиты его структурных связей: «правила и обычаи, относящиеся к запрету или предпочтению браков, имеют социальную функцию защищать, сохранять или продолжать существующую структуру родства как систему институциональных отношений»¹⁴⁸. Такую функцию, например, выполняет обычай экзогамии, запрещающий брак внутри линиджа, ибо подобный брак «разрушителен для его единства, ведь он создает в этой группе отношения, свойственные браку, которые полностью несовместимы с отношениями, характерными для членов линиджа»¹⁴⁹.

Оценивая вклад Рэдклифф-Брауна в разработку проблемы родственных отношений в примитивных обществах, необходимо признать, что реальные аналитические возможности методологических установок привели ученого к определенным достижениям.

Вывод Рэдклифф-Брауна о том, что отношения родства в примитивном обществе — это социальные, а не исключительно биологические отношения, был правильным. В настоящее время положение о социальной обусловленности отношений классификационного родства признано всеми ведущими специалистами в этой области этнографии¹⁵⁰.

Серьезный интерес представляет изучение Рэдклифф-Брауном интегративной функции обычаев, регулирующих брачные и родственные отношения в примитивных обществах. В этой сфере он пошел по оптимальному

¹⁴⁶ Idem. Introduction, p. 51.

¹⁴⁷ Ibid, p. 43.

¹⁴⁸ Ibid, p. 62.

¹⁴⁹ Ibid, p. 68.

¹⁵⁰ См.: Бутинцов Н.А. Типология родства. — Проблемы типологии в этнографии. М., 1979; Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972, и др.

пути применения структурно-функционального анализа, так как этот вид анализа по своей природе является «специалистом» по изучению механизмов, которые определяют взаимосвязь социальных явлений. Решая эту задачу, Рэдклифф-Браун избрал методически верный путь выявления системных качеств рассматриваемых явлений.

Проблема изучения ранних форм религии

Эта проблема занимала в научной деятельности Рэдклифф-Брауна одно из главных мест. Логическим центром воззрений этнографа стала теория тотемизма, построенная преимущественно на австралийском этнографическом материале.

В создании своей теории тотемизма Рэдклифф-Браун, по его собственному признанию¹⁵¹, основывался на идеях и общих методологических принципах Э.Дюркгейма. Рэдклифф-Браун полностью принял дюркгеймовскую символическую трактовку тотемизма, однако опыт самостоятельной теоретической и главным образом полевой работы привел его к выводу о том, что она не объясняет многое в эмпирических проявлениях тотемизма у конкретных народов. Рэдклифф-Браун обратил внимание на то, что концепция «коллективных представлений» Дюркгейма не способна вскрыть природу процесса, в котором осуществляется интегрирующее воздействие тотемических представлений и обрядов.

В своей концепции тотемизма Рэдклифф-Браун стремился преодолеть ограниченность и схематизм Дюркгейма. Необходимыми условиями существования тотемизма Рэдклифф-Браун считал: 1) полную зависимость общества от природной среды, которая наблюдается у охотников и собирателей; 2) наличие сегментарной организации, т.е. членения общества на кланы, фратрии и тому подобные единицы. Без одного из этих условий тотемизм не может существовать. Так, отсутствие у андаманцев и эскимосов клановой организации, по мнению Рэдклифф-Брауна, явилось причиной того, что у этих народов нет тотемизма¹⁵².

Отражение природной среды в сознании примитивного человека, утверждал Рэдклифф-Браун, всегда приобретает характер моральной и социальной системы, отношения между явлениями Вселенной (в том числе и отношения между людьми) подчинены в этом сознании нормам социального поведения. У тех народов, где каждый конкретный коллектив — это самодовлеющий, слабо связанный с другими социальный организм, представления о моральном порядке во Вселенной являются отражением его внутренних недифференцированных порядков как порядков общества в целом. Там же, где уровень общественной интеграции выше, т.е. общество как целое разделено на специфическим образом связанные сегменты (родственные

¹⁵¹ Radcliffe-Brown A.R. The Present Position of Anthropological Studies. — Method in Social Anthropology, p. 52.

¹⁵² Idem. The Sociological Theory of Totemism, p. 132.

образования в виде кланов, линдажей, половин и т.п.), представление о Вселенной является таким же социально дифференцированным. Все наблюдаемое в окружающей действительности особым образом группируется, а полученные группировки ассоциируются с определенными естественными видами, и это, по мысли антрополога, не случайный результат потребности в каком-либо символе, но следствие огромной важности этих видов для жизни общества.

Средоточием тотемической идеологии Рэдклифф-Браун в отличие от Дюркгейма считал не отдельно взятый клан, но клановую структуру общества, которая в Австралии ограничивается племенем, а нередко выходит и за его пределы. «Более широкое (по сравнению с клановым. — А.Н.) единство и солидарность всего тотемического общества выражены тем фактом, что общество как целое посредством своих сегментов находится в ритуальном отношении к Природе как целому»¹⁵³.

Анализируя фактический материал по этнографии австралийских аборигенов, Рэдклифф-Браун пришел к выводу, что тотемизм здесь не какой-либо отдельно взятый элемент религиозных представлений, но системное образование, состоящее из взаимосвязанных элементов: «1) орды, т.е. патрилинейной локальной группы; 2) определенного количества классов объектов — животных, растений и других явлений, таких, как дождь, солнце, жара, ненастье, дети и т.д.; 3) определенных священных мест в пределах территории орды... каждое из которых ассоциируется особым образом с одним или несколькими „тотемами“ группы; 4) определенных мифологических существ, которые, как предполагается, положили начало этим священным местам в мифологический период начала мира»¹⁵⁴.

Рассмотрение тотемизма как системного образования, безусловно, открыло перед Рэдклифф-Брауном новые перспективы изучения этого сложного явления, однако в целом ученому так и не удалось до конца преодолеть ограниченность социологизаторского подхода Дюркгейма. Для Рэдклифф-Брауна большое значение имела связь тотемизма с социальной структурой. Именно поэтому тотемическая модель Вселенной трактовалась им не столько как специфическое отражение объективного мира, осмысленного в социальных терминах, сколько как представление о структуре общества, облеченное в образы животного и растительного мира. Такое рассмотрение само по себе не является заблуждением, этот аспект действительно присутствует в тотемическом мировоззрении. Возражение может вызвать абсолютизация роли социальной структуры в формировании и функционировании тотемических мифов и обрядов. Эта абсолютизация не только обедняет содержание тотемического мировоззрения, но и ведет в объяснении религии к тому же дюркгеймовскому социологическому циклизму (общество как особая реальность порождает религию, религия является необходимым условием существования общества), от которого Рэдклифф-Браун стремился избавиться.

¹⁵³ Ibid, p. 128–129.

¹⁵⁴ Ibid, p. 121.

Одной из причин, помешавших Рэдклифф-Брауну выйти за пределы узкого круга социологизаторской аргументации в объяснении тотемизма, на мой взгляд, послужил его принципиальный отказ от гносеологического анализа религии: «Я не думаю, что в изучении процесса мышления, который... привел к этим ошибочным представлениям (т.е. к фантастическому характеру тотемических представлений. — А.Н.), есть какая-нибудь научная ценность»¹⁵⁵.

Логическим стержнем трактовки Рэдклифф-Брауном религии в примитивном обществе стал анализ ее отношения к социальной структуре: «Я уверен, что... социальная структура австралийских племен связана весьма специфическим образом с космологическими идеями и что ее существование во времени зависит от поддержания этих идей путем регулярного воспроизведения в мифах и обрядах»¹⁵⁶.

Интегративную функцию религиозных верований и обрядов Рэдклифф-Браун трактовал как воздействие «моральной силы» религии на индивидуальное сознание, формирующее в нем чувство коллективной солидарности. В отличие от Дюркгейма, у которого это тезис служил конечным и универсальным объяснением религиозных феноменов, Рэдклифф-Браун приложил немало усилий, чтобы объяснить внутренний механизм взаимосвязей индивида, религии и социальной структуры. Отталкиваясь от тезиса, что минимальной подсистемой социальной структуры как образования, вызванного к жизни заинтересованностью двух и более индивидов в одном объекте, является универсальная триада: Субъект 1—Субъект 2—Объект¹⁵⁷, Рэдклифф-Браун видел значение религии для социальной структуры в том, что она (религия) придает «объекту» триады специфическую безусловную, или, как назвал ее исследователь, «ритуальную значимость». Эта категория, по мнению Рэдклифф-Брауна, устраняет логическое несовершенство дюркгеймовского положения о раздвоении мира в религиозном сознании на «священное» и «обыденное». Подобное раздвоение нельзя четко выявить в представлениях конкретного общества, что видно из анализа бытования такого явления, как табу. Аргументируя свою критику, ученый приводит полинезийский материал и, в частности, указывает, что полинезийцы одним и тем же словом «табу» обозначают и человека, совершившего запретный поступок, и священного вождя¹⁵⁸. Этот пример показывает, что в представлениях примитивных народов и «священное», и «нечистое» могут относиться к одной категории явлений.

«Обо всем, что является объектом ритуального избегания, или табу, — писал Рэдклифф-Браун, — можно говорить как об имеющем ритуальную значимость»¹⁵⁹. Применяя категорию «ритуальная значимость» и модель триады, он так определяет функцию тотемизма: «Для локального тотемиче-

¹⁵⁵ Idem. Taboo. — Structure and Function in Primitive Society, p. 144.

¹⁵⁶ Ibid., p. 145.

¹⁵⁷ Ibid., p. 141.

¹⁵⁸ Ibid., p. 138.

¹⁵⁹ Ibid., p. 139.

ского клана в Австралии тотемический центр, естественные виды, ассоциируемые с ним, т.е. тотемы, мифы и обряды, с ним связанные, имеют специфическую социальную значимость: общий интерес связывает индивидов в прочную и устойчивую ассоциацию»¹⁶⁰.

Религиозный ритуал не только объединяет людей, его действие направлено на воспроизведение всех особенностей социальной структуры конкретного общества, так как мифы, лежащие в основе ритуала, — это, по мнению Рэдклифф-Брауна, закодированные в специфической форме нормы, регулирующие поведение людей и потому определяющие согласованность их действий в социальной структуре¹⁶¹. Особое значение Рэдклифф-Браун придавал проблеме соотношения дуально-эксогоамной организации с некоторыми мифологическими сюжетами. Приводя широко известный этнографический сюжет, в котором речь идет об оппозиции двух мифологических персонажей, обычно выступающих в виде животных, наделенных контрастными признаками (например, «черный—белый») и находящихся в отношениях постоянного противоборства, Рэдклифф-Браун дает свою развернутую трактовку этого сюжета, оперируя главным образом австралийским материалом. Анализируя сюжет о Клинохвостом Орле и Вороне, он подчеркивает неслучайность данной австралийской мифологической пары, ее широкое распространение в Австралии и за ее пределами (в частности, у индейцев хайда и др.)¹⁶². Ученый задает вопрос, почему именно эти птицы являются центральными персонажами мифа, и в поисках ответа обращается к социальной структуре племен, у которых данный сюжет бытует (бассейн р. Дарлинг). Прежде всего он отмечает, что птицы эти — тотемы экзогамных половин, т.е. социальных группировок, играющих ведущую роль в регулировании брачных отношений. По мифологии, записанной Рэдклифф-Брауном, Клинохвостый Орел приходится братом матери Ворона, его классификационным тестем, так как у изучаемых племен господствуют нормы кросскузенного брака, предписывающие жениться на дочери брата матери¹⁶³.

Социальная функция рассматриваемых мифологических сюжетов заключается в сакрализации норм поведения, так как каждый из поступков, совершенных персонажем мифа, — это та или иная норма обычного права (либо ее нарушение, осуждаемое другим персонажем), и священным ее делает само бытование в мифе. В одном из сюжетов Ворон, убив волаби, съедает его сам, не поделившись с Клинохвостым Орлом, своим тестем, — такой поступок, с точки зрения аборигенов, является в высшей степени аморальным. Клинохвостый Орел восстанавливает свои права, заставив Ворона отрыгнуть добычу, наказывает его, бросая в костер, и изрекает закон: «Отныне ты будешь не охотником, но вором»¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Ibid., p. 141.

¹⁶¹ См.: Idem. *A Natural Science of Society*, p. 127.

¹⁶² См.: Idem. *The Comparative Method in Social Anthropology*, p. 93.

¹⁶³ Ibid., p. 96.

¹⁶⁴ Ibidem.

Рэдклифф-Браун отмечает определенную этиологическую тенденцию этого сюжета — он «объясняет», почему у ворона перья черные и глаза красные (побывал в костре), почему клинохвостый орел хватается добычу при облавной охоте с огнем, почему ворон питается отбросами и т.п., но главное, по его мнению, заключается не в этом, а в моральной оценке действий мифологических персонажей, в делении этих действий на правильные и неправильные и в утверждении правильных в качестве нормы социального поведения. Обобщая свои выводы, Рэдклифф-Браун подчеркивает, что рассмотренный сюжет — выражение универсального типа социальных взаимоотношений, которые он называл «отношениями оппозиции»¹⁶⁵ и которым придавал большое теоретическое значение. Ритуальная враждебность, наблюдаемая во многих примитивных обществах, по мнению Рэдклифф-Брауна, есть не что иное, как проявление структурного принципа оппозиции. Одним из выражений этого принципа являются «шутливые отношения». «Отношения между двумя подразделениями, которые мы называли термином „оппозиция“, — считает этнограф, — являются таким типом отношений, которые одновременно разъединяют и соединяют, порождая специфический вид социальной интеграции...»¹⁶⁶.

Рэдклифф-Браун не только вскрыл ряд существенных особенностей ранних форм религии, но и выступил с эффективной критикой современных ему религиоведческих концепций. Эти выступления сильно пошатнули позиции сторонников теории первобытного монотеизма. Рэдклифф-Браун резко и аргументированно опроверг попытки ряда исследователей представить религию андаманцев как прамоотеистическую, а их духа Пулугу как бога — вседержителя и творца¹⁶⁷, внес, безусловно, полезный вклад в изучение «примитивной» религии своей критикой рационалистической концепции тотемизма Дж.Фрэзера, а также критикой крайностей соответствующих диффузионистских концепций¹⁶⁸.

Британская социальная антропология после Рэдклифф-Брауна

Антропология в послевоенной Великобритании развивалась на теоретических основаниях, сформулированных Рэдклифф-Брауном и Малиновским. С течением времени, в особенности после смерти Рэдклифф-Брауна, критика его формальных методов постепенно набирала силу и в антропологии сложилось относительное равновесие двух методологических концепций, если рассматривать их влияние на деятельность представителей этой науки. Можно говорить (условно, конечно) о двух линиях развития структурно-

¹⁶⁵ См.: Ibid., p. 99.

¹⁶⁶ Ibid., p. 103.

¹⁶⁷ См.: Idem. Andaman Islanders, p. 158.

¹⁶⁸ См.: Idem. The Sociological Theory of Totemism, p. 132.

функциональной традиции — структуралистской, восходящей к Рэдклифф-Брауну, и интуитивно-беллетристической, связанной с Малиновским. Р.Фёрс, хорошо знавший обоих, остроумно отнес Рэдклифф-Брауна к «классицизму», а Малиновского к «романтизму», так как один из них был склонен отдавать предпочтение четкой однозначности выводов, скованных формальными понятиями своей концепции, а другой — воображению и литературным приемам представления изучаемой реальности¹⁶⁹.

Две линии традиции нашли воплощение в организационной и географической плоскостях — основными центрами структурализма (неоструктурализма) в 50–70-х годах были департаменты антропологии Оксфордского, Кембриджского и Манчестерского университетов, где преимущественно изучались африканские сюжеты; наследие Малиновского продолжало жить в департаменте ЛШЭПН и в некоторых других университетах, где разрабатывались океанийские и азиатские темы.

Сообщество британских антропологов этого времени также можно условно разбить на две группы — Э.Эванс-Причард, М.Фортеc, М.Глакмен, В.Тэрнер, М.Дуглас (все — африканисты) в разной степени придерживались структуралистской доктрины с ее вниманием к жестко детерминированному общественным связям; а Р.Фёрс (специалист по Океании и Юго-Восточной Азии), Э.Лич (специалист по Южной и Юго-Восточной Азии) и другие продолжали линию Малиновского с его особым вниманием к личности и личностному выбору в культурных процессах.

Оба лагеря нередко вступали в теоретические дискуссии, в которых наследие классического функционализма подвергалось критике, порой довольно жесткой. Идеи Рэдклифф-Брауна наиболее последовательно защищал М.Фортеc, ставший в 1950 г. главой департамента антропологии в Кембридже. А.Купер пишет об этом: «В то время как его коллеги по профессии высказывали сомнения или даже поднимали знамя восстания, Фортеc продолжал развивать центральную проблематику первоначального оксфордского структурализма. В 1953 г. он опубликовал несколько работ, содержащих обоснование его позиции, в которых защищал структуралистскую ортодоксию, подчеркивал роль категории „социальная структура“ как центрального организующего понятия, относил изучение „культуры“ и индивидуальных вариаций к второстепенным задачам и энергично нападал на Эванс-Причарда за его отступничество от истинной веры»¹⁷⁰.

Структурный метод Рэдклифф-Брауна развивал и Макс Глакмен, создавший особую школу «африканской социологии» с центром в возглавляемом им департаменте социальной антропологии Манчестерского университета. Сам он разработал оригинальную теорию конфликта и ритуала, во многом отталкиваясь от идей своего учителя, о чем красноречиво говорит его взгляд на ритуал: «Ритуал — это не просто выражение взаимосвязи и внедрение

¹⁶⁹ Firth R. Contemporary British Social Anthropology. — American Anthropologist. Vol. 53, p. 474–489.

¹⁷⁰ Kuper A. Anthropology and Anthropologists. The Modern British School. 3rd revised and enlarged edition. L.—N.Y., 1983, p. 128.

социальных ценностей и чувств в сознание людей, как это утверждается в теориях Дюркгейма и Рэдклифф-Брауна, но своеобразное подчеркивание действительных конфликтов между общественными установлениями, а также утверждение единства и целостности общества вопреки этим конфликтам»¹⁷¹. Эта теоретическая позиция в 50–80-х годах получила свое дальнейшее развитие в трудах ученика Глакмена Виктора Тэрнера, в «символической антропологии» которого структуралистские идеи Рэдклифф-Брауна нашли органичное место среди новейших семиотических подходов¹⁷².

Манчестерская школа Глакмена обеспечила развитие некоторых идей Рэдклифф-Брауна в ряде новых теоретических направлений. Одним из них стала концепция «социальной сети». Это понятие использовал, правда без детальной разработки, сам Рэдклифф-Браун, но настоящим аналитическим инструментом оно стало в трудах Э.Ботт, Ф.Мейера, Б.Поу, А.Мейера, М.Шриниваса, А.Бетей и в особенности Дж.Барнеса и К.Митчелла, в которых оно используется для анализа межличностных связей как в племенных сообществах, так и в сложной урбанистической среде развивающихся стран¹⁷³.

Противоречия в исследовательских подходах структуралистов и сторонников концепции Малиновского в послевоенной антропологии наиболее отчетливо проявились в трудах М.Глакмена и Э.Лича. «Лич, как и Малиновский, склонялся к подчеркиванию способности индивида свободно обращаться с социальными предписаниями, в то время как Глакмен, подобно оксфордским структуралистам, делал большее ударение на связующую силу предписаний и ценностей, хотя каждый из них отклонялся от унаследованной теоретической позиции, и, возможно, неосознанно они сближались в этом вопросе»¹⁷⁴. Стирание противоречий между двумя традициями было показательным для британской антропологии конца 50-х — начала 70-х годов.

Начиная же с конца 60-х годов в интеллектуальной атмосфере социальных наук Запада наметились новые тенденции, порой именуемые «феноменологическим поворотом». Эти тенденции, затронувшие и социальную антропологию, выражались в полном или почти полном отказе от позитивистских идеалов научности — от идеи закономерности социального процесса, от возможности его объективного отражения в научных трудах. В этой ситуации наследие Рэдклифф-Брауна и Малиновского стало подвергаться разрушительной критике, ибо мировоззрение обоих целиком основывалось на позитивистских принципах познания.

¹⁷¹ Gluckman M. Order and Rebellion in Tribal Africa. L., 1963, p. 18.

¹⁷² См.: Turner V.W. Schism and Continuity in an African Society. Manchester, 1957.

¹⁷³ См.: Bott E. Family and Social Network. L., 1957; Mayer Ph. Townsman or Tribesman. Cape Town, 1962; Paw B. The Second Generation. Cape Town, 1963; Mayer A. The Significance of Quasi-groups in the Study of Complex Societies. Ed. by Banton. L., 1966, p. 97–122; Shrinivas M.M., Betelle A. Networks in Indian Social Structures. — Man. 1964. Vol. LXIV, p. 165–168; Social Networks in Urban Situation. Analyses of Personal Relationships in Central African Towns. Ed. by J.C.Mitchell. Manchester, 1969; Barnes J.A. Networks and Political Process. — Ibid., p. 51–76; Mitchell J.C. The Concept and Use of Social Network. — Ibid., p. 1–48.

¹⁷⁴ Kuper A. Anthropology and Anthropologists. 3rd ed., p. 157.

Парадоксальным образом ключевой фигурой новой критической волны стал первый и наиболее талантливый ученик Малиновского, а впоследствии соратник Рэдклифф-Брауна в деле утверждения доминирующей роли структурализма и наследник последнего на посту главы департамента социальной антропологии Оксфордского университета — Эдуард Эванс-Причард.

Парадоксальным может показаться то, что человек, еще на рубеже 30–40-х годов утверждавший вслед за Рэдклифф-Брауном, что социальная антропология базируется на «методах индуктивной логики, которые необходимы для естественных наук», и отстаивавший применение сравнительного анализа «для открытия общих тенденций и взаимозависимостей в культуре, являющихся универсальными для человеческих обществ»¹⁷⁵, в 1950 г. на лекции памяти Маретта заявил прямо противоположное: «...социальная антропология является разновидностью историографии и в конечном счете — философии и искусства... так как она изучает общества как моральные, а не естественные системы, она интересуется не столько процессом, сколько внешним видом, ее целью являются образцы, но не научные законы, она скорее интерпретирует, чем объясняет»¹⁷⁶.

Разумеется, далеко не все британские антропологи совершили столь резкий поворот в своем отношении к познанию. Да и у самого Эванс-Причарда приведенные высказывания вовсе не означали полного отказа от традиций функционализма — широко известна парадоксальная противоречивость этого человека¹⁷⁷. Но тем не менее с 70-х годов ситуация в британской антропологии стала быстро меняться, что нередко именуют кризисом этой науки. Сотрудничество с колониальными властями, которое в прошлом было предметом гордости антропологов, обернулось моральным кризисом — теперь они вынуждены были оправдываться перед общественностью и своей страны, и развивающихся стран. Иссякла некогда значительная финансовая поддержка полевых исследований со стороны фондов, связанных с колониальными интересами¹⁷⁸.

Новые поколения антропологов со скепсисом относились к завышенным притязаниям Рэдклифф-Брауна на создание супернауки социальной антропологии, призванной вобрать в себя все социальное познание, открыть всеобщие социальные законы и на этой основе построить систему научно обоснованного управления обществом. Молодежь все больше привлекали идеи новой, «интерпретативной антропологии», сформулированные американским ученым Клиффордом Гирцем¹⁷⁹, которые отвергали формальные схемы структурализма и утверждали принципы герменевтики в интерпре-

¹⁷⁵ *Evans-Pritchard E.E. Anthropology and the Social Sciences. — Further Papers on the Social Sciences. Ed. by J.E.Dugdale. L., 1937, p. 73.*

¹⁷⁶ *Idem. Essays in Social Anthropology. L., 1962, p. 26.*

¹⁷⁷ См.: *Нихишенков А.А. Эдуард Э. Эванс-Причард и противоречия этнографического познания. — Этнографическое обозрение. 1997, № 3.*

¹⁷⁸ См. подробнее: *Нихишенков А.А. Прикладные исследования в западной культурной/социальной антропологии. — Этнографическое обозрение. 2000, № 5.*

¹⁷⁹ *Geertz Cl. The Interpretation of Cultures. N.Y., 1973.*

тации культурных явлений. Сама культура в рамках этого подхода трактовалась как текст, а антропологическое ее познание — как попытка его прочитать и понять, причем главным в работе антрополога считалась передача понятого в авторском тексте исследователя. Это означало, что антропология рассматривалась как вид литературного творчества, в котором все внимание обращено не на методы научного анализа, а на выбор жанровых средств, стиливых особенностей и других литературных приемов.

Новый взгляд на антропологическое ремесло способствовал оживлению интереса к наследию Малиновского, отличающемуся подчеркнутым беллетризмом, особенно после публикации его полевых дневников¹⁸⁰, в которых он много писал о проблеме перевода опыта наблюдения культуры в конечный текст ее описания. Работы Рэдклифф-Брауна постепенно стали уходить на второй план, а его стиль «социального физика» нередко служил поводом для иронии. Впрочем, в британской антропологии, отличающейся стабильностью научной традиции, не произошло такой резкой переориентации, как в американской. В Великобритании структуралистская стратегия в исследованиях никогда не исчезала. Порой, правда, она принимала неожиданное воплощение — с конца 60-х годов в трудах некоторых антропологов она прониклась духом марксизма. Это произошло не без влияния французских антропологов-марксистов Мориса Годелье, Эмануэля Террея и др.

Наиболее известными и интересными из довольно узкого круга британских антропологов-марксистов были Питер Уорсли и Морис Блох. Марксисты произвели своеобразное скрещивание антропологического структурализма с идеями К.Маркса, что нередко ограничивалось изменением терминологии: «общества» именовались «формациями», «структура» — «способом производства», «системы кланов и линиджей» — «классовыми структурами» и т.п. В Лондонском университетском колледже — штаб-квартире антропологов-марксистов — шли дискуссии, например, о том, чем является система родства — базисом или надстройкой общественной формации. Интерес к марксизму к началу 80-х годов иссяк, и, по мнению А.Купера, «основным последствием марксистского эпизода было ускорение падения старой структурно-функциональной ортодоксии. Классический функционализм был поражен без всякой надежды на восстановление»¹⁸¹.

Поиск свежих идей структуралистского толка породил у некоторых британских антропологов интерес к трудам К.Леви-Строса, но и это увлечение для большинства из них было кратковременным. Пожалуй, единственным, кто надолго сохранил интерес к семиотическому структурализму французского антрополога и испытал определенное влияние с его стороны, был Э.Лич, но и он незадолго до смерти в 1989 г. не устоял перед соблазном «научного пораженчества» ставшего модным постмодернизма. В своей рецензии на книгу К.Гирца «Труды и жизненные пути: антрополог как писатель»¹⁸², которая многими воспринималась как один из основных текстов

¹⁸⁰ Malinowski B. A Diary in a Strict Sence of the Term. L., 1967.

¹⁸¹ Kuper A. Anthropology and Anthropologists. 3rd ed., p. 183.

¹⁸² Geertz Cl. Works and Lives: Anthropologist as an Author. Stanford, 1988.

антропологического постмодернизма (сам Гирц всегда против этого возражал), он фактически поддержал постмодернизм: «Этнографическая монография имеет больше общего с историческим романом, чем с каким бы то ни было научным трактатом. Как антропологи мы вынуждены примириться с ныне уже признанным фактом, что в романе персонажи воспроизводят те или иные аспекты личности автора. Да и как могло быть иначе? Единственное „Я“, которое я знаю непосредственно, это мое собственное. Когда Малиновский пишет о жителях Тробрианских островов, он пишет о себе; когда Эванс-Причард пишет о нуэрах, он пишет о себе. Любой другой подход превращает персонажей этнографических трактатов в заводных кукол». И это писал человек, который на протяжении всей своей научной карьеры исповедовал принципы научной объективности. Воистину, по его собственному образному выражению, примененному им к Гирцу, он «вскочил на подножку фургона своих учеников как раз перед тем, как тот должен был его раздавить»¹⁸³.

Этот эпизод, конечно же, показателен для интеллектуальной атмосферы в британской антропологии того времени, но, как и в случае с Эванс-Причардом 1950 г., подобным заявлениям не стоит полностью доверять. Британская социальная антропология всегда была чувствительна к новым веяниям, но она также всегда сохраняла верность научной традиции, лишь иногда внося в нее коррективы. Тот же Э.Лич, давая в 1989 г. интервью А.Куперу для журнала *Current Anthropology*, мудро заметил: «...последовательность всегда диалектична. В моем антропологическом развитии... был момент, когда Малиновский был всегда прав. На следующем этапе он был всегда неправ. Но с возмужанием я стал замечать, что у каждой стороны есть нечто положительное. Я вижу в этом гегельянский процесс — очень глубокий элемент в процессе развития гуманитарного мышления во времени. Но, пройдя эту последовательность по кругу, оказываешься не в начальной точке, а продвигаясь немного вперед или же куда-то еще. Но всегда в этот процесс входит первоначальное отречение от своих непосредственных предков — тех учителей, которым всего более обязан»¹⁸⁴.

А.Купер, приводя это высказывание, отметил, что постмодернистские воззрения не только ошибочны, но и преходящи и что «нас ожидает цикл неопозитивизма. Эта перспектива меня не смущает»¹⁸⁵. Автор этих строк также осмеливается предположить, что идеи и методы Рэдклифф-Брауна, его вера в возможность и действенность объективного научного знания обязательно будут востребованы.

¹⁸³ Цит. по: Купер А. Постмодернизм, Кембридж и «Великая калахарская дискуссия». — Этнографическое обозрение. 1993, № 4, с. 3.

¹⁸⁴ Цит. по: Купер А. Постмодернизм, Кембридж и «Великая калахарская дискуссия», с. 14.

¹⁸⁵ Там же, с. 14.